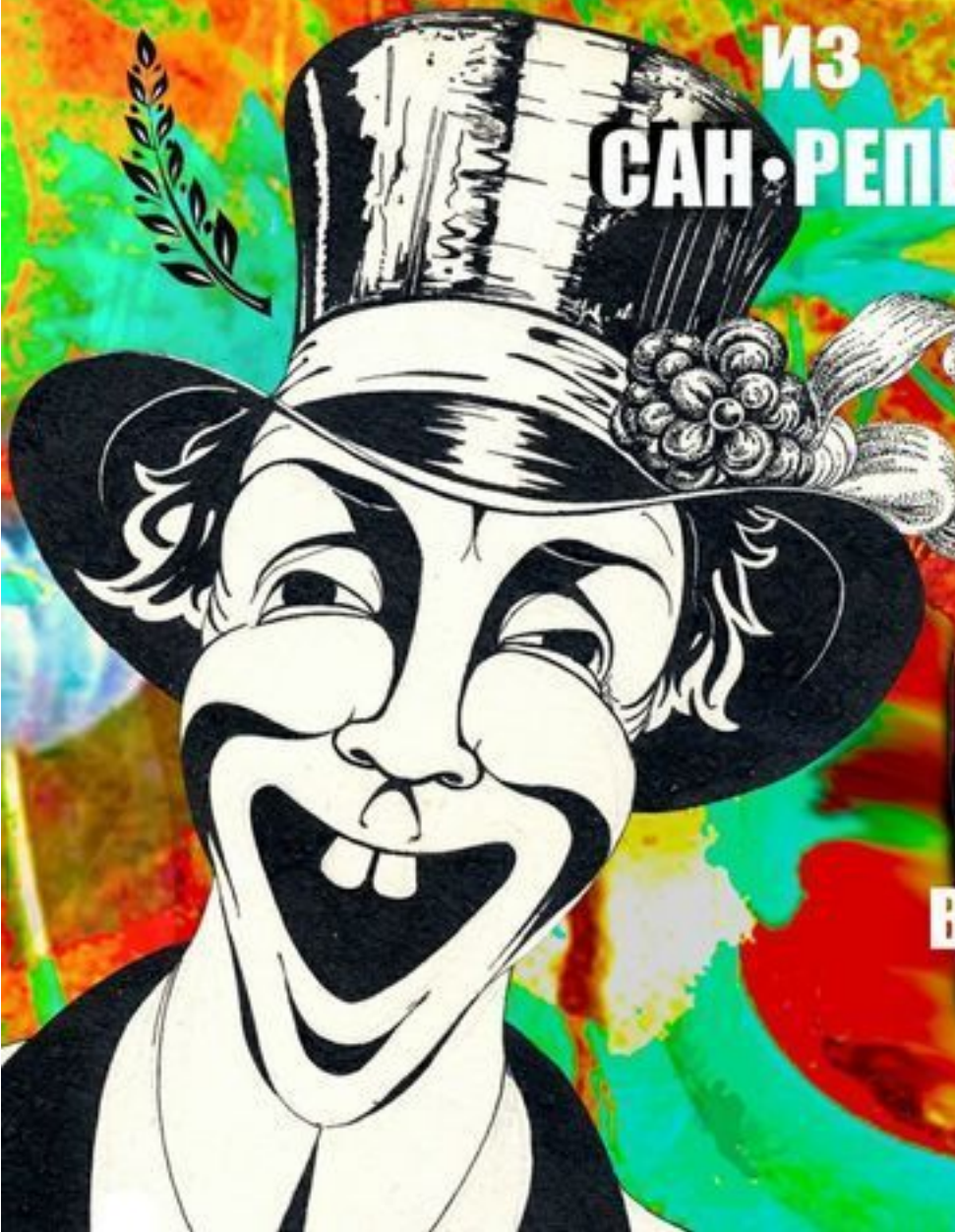

Алексей Козлов

Куклы

ЛИХТЕНВАЛЬД
ИЗ
САН-РЕПЫ

ТОМ

В Нусекве

Алексей Козлов

**Лихтенвальд из Сан-
Репы. Том 1. В Нусекве**

«Издательские решения»

Козлов А.

Лихтенвальд из Сан-Репы. Том 1. В Нусекве / А. Козлов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749435-3

Роман о гордом и непреклонном Алексее Лихтенвальде, которому помогают высшие силы Вселенной. Том 1. В Нусекве. Удивительные и невероятные приключения Алекса Лихтенвальда в Нусекве в компании с Гитболаном, Кропоткиным и другими.

ISBN 978-5-44-749435-3

© Козлов А.
© Издательские решения

Содержание

Обращение к читателю	6
Пролог на небесах, если позволите	7
Глава 1. Чудесное появление компании малюток	16
Глава 2. В глубь Сан-Репы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лихтенвальд из Сан-Репы
Том 1. В Нусекве
Алексей Козлов

© Алексей Козлов, 2017

ISBN 978-5-4474-9435-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обращение к читателю

Эта книга зовёт к искусству, правде, прямоте. А не к хаосу и беллетристическим увёрткам. Я не стану предаваться обычному словоблудию и хвалить то, что не нуждается в какой-либо похвале. То, что неумеренно хвалят люди, бывает чаще всего забыто через несколько минут после похвалы. То, что они ругают при появлении, часто живёт века. Это похвала сговора многих посредственностей против одиноких гениев. Время расставляет всё по своим местам, но как поздно! Часто слишком поздно. Римское слово «Сатира», как известно, в прямом и точном переводе с латинского обозначает переполненное блюдо, мешанину, смесь. Разумеется, всяк кузнец своего счастья, но не всяк жнец своего поля. Будучи неважным кулинаром, ограничивая свой рацион квашеной капустой и выпекая все мыслимые и немыслимые блины комом, освоив только секреты яичницы-болтуни, я решил не соваться в высокие жанры и ограничиться тем, что у меня лучше всего получается, то есть Римской мешаниной. В моих силах, как я полагаю, было придать этой мешанине возможно более приятную форму. В моих предыдущих книгах далеко не все мои читатели оценили моё поварское искусство и сочли, что соли слишком много, а мясо жестковато и не проварено. Я не стал спорить со знатоками восточной кухни, изнеженными сибаритами и стилистами, но решил не оставлять попыток, полагая это за благо. Моя новая книга – результат этих усилий. Я выражаю свою искреннюю благодарность Елене Косаревой, Андрею Мордвинцеву, Борису Шатрову, подарившим мне большое количество изумительных сюжетов и фраз для моей книги, я не могу не поблагодарить покойного Александра Сергеевича Мурылёва за его рассказы о войне, слышанные от него в Строительном институте, рассказы, чрезвычайно повлиявшие на меня.

Итак, Я приглашаю Вас к основному блюду. Перед Вами Римская сатира «Лихтенвальд из Сан-Репы», сочинение 2003 года.

Оркестр, гимн!

Пролог на небесах, если позволите

Седьмой сон Веры Павловны.

«В Начале было начало. И Начало было Началом Начала. И не было Конца, ибо Начало было.

И в Начале Начал было брошено Семя, и возшло Оно, потому что было брошено там. И выросла Ель. И было в ней тридцать футов и тридцать три дюйма. И камни валялись кругом.

И была грязь кругом непролазная. И носился Дух над целебной грязью. И были крылья его белые. И увидел он Ель посреди пустоты. И росли на ней Сладкие Шишки.

И скатал Дух ком из грязи и сказал: «Сделаю человеков!». И выполнил он свою угрозу – и слепил. И слепил Человека видом смрадного и дал ему имя Анцуп. И вдул в него жизнь. И задышал Анцуп, и открыл слезящиеся и смрадные глаза свои. И была в них пустота великая. И стал озираться Анцуп, не увидя духа, и затомился, видя, что никого кругом нет, прозрел.

И возопил.

И возопив, попросил Анцуп женщину у Духа, которого не видел.

«Дай мне!» – закричал он, потрясая.

И сказал дух: «Ладно! Держи! Назад не приму только! Знай! Всё!»

И обрадовался Анцуп.

И скатал Дух комок грязи и сляпал из него женщину великую, под стать Анцупе. И назвал её Ездрую. И вдул в неё жизнь. И отошли они вдвоём, скучая и не отблагодарив Духа.

И не было никого вокруг, и попросили они себе всякого зверья и животных, и послал им Бог птиц, львов, тараканов и кольчатых червей.

И был День.

И была Ночь.

На следующий же день нашёл Анцуп Ель и показал её Ездре. И нашла она ель обширной, а шишки сладкими.

Но сказал Дух: «Нельзя! Не поднимется рука Человека на дерево и шишки к нему, ибо наказание будет от Змея, которым обовью вас».

И отошли они и бродили вокруг. И сказала Ездра: «Томлюсь! Не будет нам лада без шишек! А Дух не узнает, если язык не подведёт!»

И послала Анцупа за шишками.

И пришёл Анцуп к дереву и увидел Змея двухголового, ростом тридцать вершков, хранившего дерево. И был полон он ядом, как амфора вином. И сказал ему Змей: «Сорви сладкую шишечку и дай Ездре! Томится она! Не всё вам в грязи жить! Сорви! Не бойся! Никто не видит!»

И влез Анцуп высоко и сорвал три Сладкие Шишки, висевшие на ветке перед ним смирно.

И полыхнуло кругом, и Дух Мардуфа явил свой разгневанный лик и вырвал две шишки у обалдевшего Анцупа. Но вырвался Анцуп и убежал. И прибежал он к жаждущей Ездре и раскрошил шишку. И съели они её жадно, как алчущие, оглядываясь по сторонам.

И узрел разгневанный Бог Мардуфа сие, и разверз дыру в небе, и возопил. И возопив, сдул Анцупа и Ездру на берег. И упали они на землю. И озирались кругом. И пошли плодиться и размножаться. И грехами были полны, как сосуд канифолью.

И размножился род их страшно, и всякие люди стали бродить по болотам, вороша гнилую осоку. И тяжело им доставался хлеб и муравьиные яйца. Попросили они Бога Мардуфу помочь им и заступиться за них. И помог им Бог Мардуфа, и истребил всех, кто не спрятался. Но спрятались Анцуп и Ездру камнем укрыл. И вышли они потом и снова размножились, несмотря ни на что ещё сильнее. И дети их были красные, чёрные и жёлтые, в стружьях и цыпках.

И удивился Бог Мардуфа, видя удивление изумлённого Анцупа.

«Почему так?» – спросил он, – Дети твои и Ездры – разные цветом. Почему так? Отчего? Ответь!»

И не ответил ему Анцупа, потому что не знал сего. Но задумался потом и думал год, не просыхая.

Видя, что затомился он, слетели к нему ангелы белые, и отвлекли его от думы. И увидел он ангелов, поймал одного и принёс показать Ездры, а Ездра нянчила дитё в плетёном кулке. И дала она ангела младенцу, и схватил младенец ангела и голову ему откусил и съел.

Бог Мардуфа так разгневался, что гроыхать не стал, но бросил камни большие с горы и жёлтых детей придавил всех. И плакали Анцуп и Ездра, а об ангеле забыли.

Видя такие горести, решил Анцуп примириться с Мардуфой и отнёс ему колоду мёда. А в колоде домотканой сонные пчёлы сидели. Открыл Бог Мардуфа колоду и хотел мёд лизать. Но пчёлы проснулись, бросились на него, и язык его искусили. И на год замолчал Бог Мардуфа. И не стал больше Бог Мардуфа дело иметь с Анцупом и Ездрой, потому что не стал.

И там пришёл к нему Сатана, обратившись Плешивым Опоссумом, и совращал его морской рыбой и перепелиными яйцами. Но отбросил он рыбу и перепелиные яйца. И сказал: «У меня есть своя рыба и свои яйца!»

И Сатана пришёл к нему опять в образе человеческом, говоря: «Ты ли не говорил и не вещал, а я вот молчу! Ты ли не обмочился, узрев, а я вот молчу! Или?»

И не выдержал, и кинулся на него Бог Мардуфа, обидевшись на пасынка своего. И раздрал ему покровы и пасть. И бились они день и ночь, и день и ночь, снова день, и снова ночь. И не было никого, кто не ужаснулся бы их виду, и не было никого. И окончив битву и отирая пот, сказал Бог Мардуфа, обидевшись за пасынка своего: «Я ли не Бог Мардуфа, и не я ли поверг врага и не я ли? Или не я?»

Тогда воины Салах-Малах-Чох-Аладдина вскочили на верных боевых бегемотов числом до трёхсот двадцати трёх тысяч и, проскакав триста стадий резвым фессалонийским галопом, показались над Ендизонской лощиной в сиянии уходящего восточного солнца. И увидели их враги и обмочились от ужаса. И враги их ополоумели и обмочились. И были мокры. Боевые бегемоты ринулись вниз со скал и передавили всех, кто не хотел сдаться на милость победителей, ибо так повелел Бог Мардуфа. Ибо он так повелел. Ибо так было так!

Атака трёхногих коней произвела опустошительное действие в стане одноглазых синкопов. Челюсть Самсона, одолженная им у осла, косила врагов направо и налево, сея смерть и разрушение. Иерехон пал вместе с иерехонской трубой и замолкла труба, и Иерехон пал. И челюсть Самсона пала, и Самсон пал. И город отдали на разграбление, и грабили его все, кому ни лень, тридцать три дня и три ночи.

Один солдат лежал рядом со своей головой и спрашивал всех, где его голова. И не было сказано ему.

И сказано было ему: «Ты, чох! Встань и иди в город! Не лежи тут абы как! Там ты найдёшь жлобов таких же, как ты! И найдя их, скажи им так: «Изюм!» И они узнают тебя! И познай их! Скажи им: «Изюм!» И они. А ты их. Только верь сказанному!»

И прилипла голова к телу, и зашевелилось оно.

И возжаждал он города и его соблазнов. И ушёл. И оставил свой дом ради соблазнов сих. Мать и отца своего. Он.

И подошёл он и увидел надпись на стене дома, где звенели китайские горшки: «Здесь был Савл». И возрадовался всем сердцем и узнал радость великую и обмочился струёю.

Итак, сподобившись, начинаем.

Не надо смеяться над сирыми Назареями, повторяющими уроки.

День первый. Первое число. Сначала был Хаос, и тьма над всем миром. И ничего не было вокруг. Квадратный круг. И были только глаза поверх всего. Но тьма ушла и пришёл свет. И родился человек среди других людей. Это всё слова, но так было.

Епус Давин и Хряк Навалия, пророки народа пастухов и негоциантов, наши лучшие друзья по переписке, перед вами. Двое балетно разошлись по сцене с треском в обтянутых цирковых рейтузах. Шак! Шак! Шак! Фа! Люфт! Местечко! Фу!

Святые, не брезгавшие своими дочерьми. Юг. Жаркий темперамент. Притяжение луны. Пещера. Коптит-то как! Надо побыстрее – на свежий воздух.

«Отфа! Блюди!»

Всё остаётся людям. Но не всем!

Бананы зари, соль небес, хлеб волн, сало земли.

– Мать! Хочу написать библию для своего величайшего народа пастухов и воинов, я сумею, несмотря на коз и козни!

– Учится, учиться, учиться, сынок! Всё не так-то просто, как кажется на первый ляд!

– Хочется библии, а то всё пока анекдоты! Сердцу хочется ласковой песни и хорошей, большой любви. О чём нам пели великие предки?

– А как же кифара, на которой ты обещал выучиться дяде Ойлу?

– Ну её, эту... кифару к... матери, зачем мне... кифара, когда у меня деньги появились? А вот библию написать – это дело! Большую, красивую! Чтобы все её тысячу лет читали и в каждое слово вдумывались, вламывались, как бараны перед ежовыми воротами. Или новыми рукавицами! Хочу! Мать! Что? В лом?

– Не буду тебе перечить, сынок, хотя... кто знает, кто знает! Вон майор Хлебушек всё мечтал пропукать Лунную сонату, все над ним смеялись и не верили, а он содеял! К цели надо идти напролом! Как буревестник! Сквозь тернии к звёздам! Как оба Павлика! Как шли Белый, Чёрный, Горький и Бедный. Но все деяния начинались у них с обливания холодной водкой.

И корабль плывёт. Кто на лодке смолёной живёт? Я Мышка – квакушка, Я – Лягушка-норушка, Я – Лисичка – сестричка! А это я – Синяя Борода, граф Чемберлен!

Из тьмы веков вышел волосатый человек именем Клюв, который родил Фора.

Фор по делам службы покинул Сдохию и уехал в Египет.

Там он усыновил Сора, который родил Пинга Колченого.

Пинг был бесплоден, но родил Попла Опана.

Попл в трудах родил Тропаря Безъязыкого, мать которого дважды умерла в родах.

Тропарь родил Муна от наложницы Скудели, но восстал.

Мун родил Карачуна, но всеу чурался его.

Карачун покинул Египет и родил Адольфа в Венеции, потрясателя вагин.

Адольф родил Изруля, но не возжелал его блага.

Исруль, хоть был бесплоден, всё-таки родил Амалика Гунявого, с которым воевал на кухне скалкой.

Амалик родил Хину-попрошайку.

Хина была бездетна, но в 97 лет родила Моло, истребителя горчичного порошка и лука.

Моло сочетался с Евой фон Браун и родил Шарона Заикатого.

И пошло.

И пошло.

И поехало. Глаза разбегаются.

А вот и наша команда, десять анурейских негрятят, которые потрясли мир, все как на подбор – гвардия небес, Светлая Сотня.

Поймали эту рыбу на блясну.

– Товагиц! А ведь какие кагошие пи... юки гастут! Кагошие!

Вслушайтесь в музыку имён!

Моркар, граф Нортумбрии.
Сефард, граф Презумпции.
Комар, барон Белонезии.
Каркофал из Микен.
Ухти-Тухти, Прачка-Ман... ка.
Моисей Тикоглаз,
Матфей Праздношат,
Самсон Шурупник,
Иона Труповоз,
Лазарь Живилоу-Шустрилоу.
Волос Жабослон,
Фуфел Задрочка,
Дуфа Сокамерник,
Прыговёрт Ассизский,
Марк Возноситель,
Фантасмагор Нильский,
Дэвид Мартиролог,
Иуда Стрелочник,
Каркофал Другой,
Ивен Краситель,
Две Марии На Выбор: Лампадница и Мандолина,
(Что печёшь, старая, не блины ли?)
Иоанн Собутыльник,
Варавва Сокамерник,
Пилат Тупоконечник,
Шитфингер.
Какой ты расы, сынок, инопланетянин?
Туф Навозник,
Сом Дерьмокуч,
Эва Моторная,
Самсон Жук.
Бесс Аемуччо.
Маза Дофола.
Юдифь Сторублёвница.
И ещё сорок сороков таких же козлов.
А вот и наши подползли, со снизками гранат:
Композиторы
Сэм Скрягин
И Шон Зумершваль,
Сандро из Багета,
Воители:
Вон де Голь
И Ганс фон Плебс,
А также:
Ефалий Колобрат,
Ямалий Каловрат,
Евлудий Компромат,
Евдадий Монсерат,
Дадудий Голомат,

Засунтий Дарощат.

Член Сблызновского Губреввоенсовета Дэвид Членовис.

Дэл Терминатор.

Фил Бэтмен.

Нол Бэдвум. Как ты сюда попал, гнида???

Все святые, как на подбор. Пробы некуда ставить. Ткни – посыпется!

Далее – сухой текст, выжимки из хроник:

Антон Некст,

Магон Рекст,

Дадон Секст – австрийские римляне, славная когорта. Последний призыв беллетристики. Вспомни и повтори клич мамаевых сотников, идущих на Европу с миссионерскими и просветительскими поползновениями. Братья славяне пути торят в незнаемое.

Одиног.

Двуор.

Торн.

Чур.

Пасть.

Шерг.

Сомн.

Семн.

Дов.

Додинг.

Адольф.

А эти куда?

Аяп Культяп преступный абортист.

Бебе Шизман – германский плутократ.

Веке Кактус – восточный кастрат.

Олег О'Фрейн.

Королева Англии Алевтина II Пышная. Дай им жару под Аль-Аламейном!

Иван ...ёв – надежда родины, опять не состоялась.

А эти кто? Обоих полов самозванцы.

Ивен Салотапус.

Иванко Вздиевич.

Пани Бздешич.

Взятко Мздиевич.

Гейко Изгоевич.

Туна Младич.

Слава Потич.

Мира Хотич.

Длина Вставич.

Вшистка Еднич.

Пся Кревич

и Дора Фурич собственной своею персоною.

Весь политический и культурный синклит анклава в полном составе списка.

Равняйсь!

Здесь были представлены несколько незабываемых женщин с полным набором причиндалов:

Нелли Однодыркина,

Пэт Фрикциони – Вторая (Разумеется, гермафродит-расстрига),

Пола Подставляльски,
Молли Внутряева.
Нолли Завиткова.
Таис Опискина.
Полина Цельс.
Три богатырши – ноги ширше.
Далее. Не все ещё вошли в иконостас.
Настасья Подстилаевская-Куляева,
Сюзи Шкворни, в прошлом фотограф – мачтовик, т-т-т-тайная поклонница Лени
Рифеншталь,
Софи Агдамовна Смяткина, победительница конкурса вечных неунывных девственниц.
Ксантиппа Ромуальдовна Гаремнина, оу!
Зора Федориновна Евнухер.
Норма Патрикеевна Воткнутрони, славянка
Джудит Фаровна Ейвдулит, тоже.
Мери Тосибовна Апгрейдух, само собой.
Дэзи Ибикусовна Самос.
Молли Турксибовна Ноль.
Флора Бисквитовна Эхма.
Манна Моисеевна Дрань.
Евхаристия Петровна Спарит.
Тирада Андреевна Безымьянная.
Береника Моционовна Антропогенная.
И наконец долгожданная Соси Губкина, розовая и жаркая, как подовая французская
булка. Они входили в нашу жизнь, как входят все святые – маршем, с дырками на коленках.
Разные весовые категории.
Моника против Хиллари.
Толстушка против дурнушки.
Правда против хитрости.
Секарий против викария.
Викинг против петинга.
Дон Кихот против Робинзона Крузо.
Оспа против поросычьей чумки.
Галактика против Вселенной.
СШШШШШША против СССССССССР.
Далее:
Фрэнк Моудиллоу.
Хью Вагин.
Брехнольд Трепт.
Наладчик Билли Током.
Джон Клешневик и Болт Овноед.
Квартет «Баззлз» из шести человек в полном составе.
Ион Матсуддинович Слюни.
Ледяная Лили Марлен, верная подруга солдата.
А вот и он.
Назарет из Иисуса, брат заики-Христозопулоса.
Один Уда и два Неуда из Кариот. Королевская гвардия. Крепкие пристебаи. На них
можно положиться, если в кошельке пусто, и жизни не жалко. Верные друзья. Положись на них
и спи уже спокойно, тебе уже не проснуться.

С кипарисовым стеклом в деснице он пришёл их крестить, и не было ни одного некрещёного по всей округе Елионской. Но однажды вечером святой стек сломался в руке его и выпал из его десницы, и видя, что он стал слаб, и видя то, они бросились на него, как волки алчущие и позорные, видя, что он стал безоружен, и порвали ему пасть, видя его и раздрали его. Но не до конца.

Но вырвался он и убежал от конца своего, и как койот скрывался семь лет в пустыне и диких акридах, питаясь мокридами и диким воском и обращая взоры к небу с молитвой о чудо-оружии. И возжаждал он и возопил. И наоборот.

И услышал он тимпаны Бога Мардуфы и решил.

И вернулся он в долину, где текли молочные реки в кисейных берегах. И встретился ему рыбак именем Петер. Он гулял в обносках по берегу Генисаретского озера и икал. Пульс его едва прощупывался.

Святой Петер глаголил так: «Нам нужны гаражи. Нам нужны гаражи – храмы, гаражи – квартиры, гаражи – больницы, гаражи – магазины». Хохмач. Говорил как бы всерьёз, а на самом деле он знал тут всему цену!

Трафальгарский насест. Его нашли в чебуреках. Увенчанным рогами и скрижалками.

Ему встретился неунывный Хорст Вессель, попиравший стогны сапогами и субботней молитвой.

И сказал он им: «Вы, вышибалы и столпники, чрез вас речётся речённое! Вам я принёс манную кашу и гвозди! Ешьте! Остальное решит собор. А пока споём!».

Они шли по грешной земле так, как идут герои с выигранного дела, с сознанием выполненного долга и чувством собственного поправленного величия, четверо, неразлучные друзья, четыре танкиста, мушкетёр и собака. Шестеро одного не ждут! Дюжина без одного ущербна! Семьдесят семь идут гусиным шагом, горланя свои святые песни и перекрикивая христовых зануд. Чудо! Двести отстали, но их отсутствия уже никто не заметил. Загребущие лапы до земли. Пыль до небес. Брови углом. Ковбои истины. Терминаторы правды. Заступники народные. Робин Гуды полустанков. Пророки проулков и тупичков. Хайль!

С ума сойти можно! Они шли один за другим и говорили одно и то же: «Вертеп науки, кузница кадров. Кузница науки. Вертеп. Кузница. Веркуз. Кузнеп. Вертица. Куртеп.»

Земля содрогалась в родовых муках, когда они проходили мимо. Лава клочкотала в раскалённых жерлах скороварок. Чайники вскипали сами собой. Кровельное железо срывалось с черепичных крыш. Ухал филин на завалинке. Благовест плыл ниоткуда в – никуда. Моросс.

А потом восстал из праха Евлудий Параносский, изойдя могильной пылью. Грозился сказать правду в матку.

Это тоже был учёный божьим промыслом, прожектёр, неистовый инквизитор истины, конкистадор правды, обернут в душе.

– Цимес мед компот, – сказал отец Евлудий, облизываясь змеиным языком, опрокидывая трёхлитровую банку с останками недельного огуречного рассола, в котором плавал загнутый буквой Z зелёный зародыш. Надо было вытеснить образовавшийся за ночь вторичный алкоголь новоявленным эликсиром правды.

Мохнатый шмель, длинный и тощий в своей классической эпатрихиальности.

Мир снова замутился и стал калейдоскопическим.

Тут он совсем с катушек свихнулся ну и запустил в дифракцию интерференцией. Все шкафы с соляной кислотой и адской серой обвалил на первозданную, рождающуюся в муках землю. Книги летели, как птицы. Рождалась жизнь из формул и отгрызков недоеденного белка. Но кто перший – курица или яйца.

– Слава мира кончается в унитазе. Аминь! Аминь! Аминь!

Трижды возвёл и возгласил.

В катакомбной церкви, так он называл свою не по годам узенькую комнатку, причащалось солнце, и плясала весенняя пыль. Дополнительным блюдом присутствовала вполне приличная кровать. Всё вполне благочинно. Битое стекло не в счёт. Не будет преувеличением сказать, что его воображение постоянно сотрясалось картинками с изображением слона, залезающего хоботом под подол бенедиктинской монахини, но то, что это без сомнения был человек с очень богатым воображением, не подлежит сомнению.

– Усилимся во чреслах, братия! Отрешимся и обрящемся! – взгремел его ломкий сырой голос, как казалось уже готовый заглухнуть в коматозной немоте и блевотинном молчании. Трепанги замерли в глубинах океанов. Элвис Пресли заплакал в колыбели на негритянский манер.

Он шёл по улице чем-то крайне взволнованный и разговаривал сам с собой всё громче в захлёб.

Первое послание велосипедиста фелассоникийцам! Цитирую!

– Братья и сестры, как говорит мой заочный друг отец Архиелимон! Пастырь Сутенерий, сверхархидиакон Брюхий Отвислон и каноник Бутылий Пузыревский подтверждают мою абсолютную правоту. Присоединяются к истине Святой Половинус и новообращённые святители Том и Джерри. Возвысимся и возгремим над чадами нашими! Для слова моего нет преград! Придите и возьмите! Идите и покайтесь! Покайтесь или удите, сук-ки! Йов возвещает инцест! Амен! Сук-ки!

Крест вылетел из его рук и проломил череп старушке.

– Блаженны феллатствующие и куннилингствующие, ибо их все... Удите, сук-ки! Или покайтесь! Покайтесь или удите, сук-ки! Суки! Суки! Суки! Человек умирает в безверии! Добро, твари, не вода, чтобы его просто так лить в ваши бездонные глотки! Катакомбы несут нам счастье неугасимое, неизреченное, хлеб днесь. А пиво-завтра и навсегда! Суки! Всё так дивно замышлялось, так хорошо начиналось, абы как шло, а чем завершилось? Крахом! Евлун был сразу поставлен в известность. Но ничего не предпринимал, пока тиара не заплесневела на корню. Паки таки! Сучьё! Вам ли я ли? Яливамли? Ешьте вафли! Не я вам! Не вам ли? Не я ли вам? С вами язык сломаешь! Сук-ки! В панамах и трусах вошли в храм пополудни, скверня моё богомилство!»

Отрезав яйца всем моим врагам
И перерезав глотки конкурентов,
Бросаюсь, о любовь, к твоим ногам,
Мой добрый друг,
Мой дон де Носиме-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-н-т-е!

спел божественный Евлудий довольно пародированным голосом, вспомнив, как выглядывали из окон обеспокоенные соглядатаи, услышав громовой голос встреченного им по дороге писателя Громобоя, довольно шабутного малого без царя в голове, с пулей в башке, с холодными руками и раскалённым добела сердцем. В общем – стукача и существо малоприятное во всех отношениях. Вспомнить-то вспомнил, а зафиксировать не мог. Всё сразу же и навсегда вылетело из головы. Солдатки будут не на шутку рады радёшеньки. Навсегда забудут мой адрес в управе. Сейчас все такие. Кто не стукач, пусть бросит в него краеугольный камень!

И по водам пойдём, и посуху, удивляя и радуя. Ты, Сандро, будешь клёкотом благовествовать, мелочью брэнчать. Учись играть на шарманке! Пять тысяч дней рыбалил на Генисарете, хочу отведать я трески простой, чтобы в итоге, мудр, как чьи-то дети, отправиться к Варравве на постой!

После чего святой смахнул пыль с обгрызанной крысами инкунабулы и отворил тяжёлую обложку, на которой среди коричневых ангелов горели слова огненным кадмием: «Древняя Лаурентия и Поздняя Сан Репа». «Хроники».

Хроники были отпетыми. Исправить их уже не представлялось возможным.

Шли страницы, нечитанные и читанные по диагонали, вдоль и поперёк.

Главы.

«Величие Сан Репы».

«Рассказ о магической фиге».

«Цирк Вилипутов».

«Ветчинный король».

«Дон Окорок».

«Великий отстриг».

«Ярило Чудотворец и святой Педрик».

«Фред и наложницы».

«Трипенгундозный Эспандер».

«Выпотрошенный Джек Пот».

«Белые чернила».

Двенадцать глав. Две главы оказались зашифрованы на «Энигме». Администрация города обращалась по этому поводу к адмиралу Рёдеру, но ответа не получила.

Книга Чудес. Закрыв её, можно было, не вставая с кровати, пойти по тверди вод и ощутить вкус копчёного индюка на растресканных устах. Но надо было вращать ключик и заводить волшебную книгу.

Цитирование её бесполезно, но надобно.

«...Кибеллы молочко. Яд молочая, а король – свинья. Таков удел искусства. Есть копилка, куда я буду сыпать перец и фасоль и фиги...»

«...Я млел конечно и думал: вот бы её пощупать, она и сама была бы рада...»

«...Он убил её своими доводами наповал: «Да, рожа кривовата, как противень, да, уши мясистые и оттопыренные, да, широкие скулы, но как вы смеее говорить, что я некрасив?..»

«...Полицейский Керкальдюа ударил головой в гигантскую бочку, и из неё на спящий город хлынуло прокисшее яблочное сусло...»

«...Инфицированный руками своей нечистоплотной падчерицы, он стал чихать кровавым поносом и вопреки уверениям врачей, склонных в данном случае к оптимистическому сценарию, в конце концов, отдал богу душу в окружении буйной толпы родственников, озабоченный грядущим наследием...»

«Дофин Мюнхаузен двинул тогда на гору Сион и вымолил там для своего народа, что полагалось ему. Сырники и гренки. Но маловато пока».

«...Сердце Мортионы разрывалось от горя, она не находила себе места на земле и после чересчур скромных похорон поклялась семье найти безответственного виновника такого несчастья. По её мнению главным козлом опущения оказался коварный Пилон Езус – итальянский врач-идеалист, пребывавший в преступном предубеждении...»

«...Один Монсоло Хлюст хранил отменное присутствие духа...»

«Есть другой вопрос мировой политики, вопрос вопросов, и звучит он так: как залезть под юбку к Кондолизе? Как? Как залезть к ней под юбку, если она носит штаны? Как? И есть ли у Кондолизы под юбкой чего, кроме электроники и чипа?»

«В Нусекву приехало светило «Скотланд Ярда, Фред Фиксоны».

Но к делу! Довольно развлекать любезномудрых читателей лепетом милым, пора и за дело браться, рукава сучить! А то читатель так и не поймёт, что это была шутка, и только теперь мы переходим к делу.

Сны Анны Павловны по боку. Жизнь на пороге! Вперёд!

Глава 1. Чудесное появление компании малюток

Это было в первой половине 2025 года, за три месяца до падения Великой Континентальной Сан Репы, при правлении её пятого Прокуратора.

Тёплым и сулящим хорошую ночь летним вечером, отдохнувший и только что постриженный бобриком, председатель Областного Сблызновского Сейма, небезызвестный в узких политических кругах депутат Ли Иванович Моппс, по совместительству председатель партии «Свежесть», вызвал служебную машину, попрощался с женой, и весело насвистывая популярный шлягер, исполненный совершенно бездарной певицей Ж., поехал на вокзал, где потрусил несколько раз из конца в конец зала ожидания, разглядывая бронзовую скульптуру «Солдат, целующий девочку». Скоро он занял своё законное место в вагоне для очень важных персон, постоянно развозившим чиновников разного ранга в Нусекву и обратно. В купе на двух человек кроме председателя находился его охранник, здоровенный ширококостный крепыш среднего роста и неопределённого возраста с пистолетом во внутреннем кармане пиджака и две бутылки водки с закуской, обычная доза путешественников по стране государственных пилигримов. Особый вагон населён был обычно слабо, так было и в этот раз. Такие высокие персоны, само собой разумеется, предпочитали не сталкиваться нос к носу с той скученностью, в какой ездил в столицу Континентальной Сан Реп обычный непримечательный люд. Когда поезд тронулся, ещё в двух купе была замечена какая-то жизнь, а остальные оставались пусты. Сняв пиджак и сев посередине дивана, Ли Иваныч, ощутил то специфическое чувство довольства и воли, какое испытывает охотник, загремевший в лес, или – подкаблучный муж, вырвавшийся якобы в заморскую командировку.

Ли Иванович был солидный человек со статью вышедшего в отставку гренадёра. Грудь если не колесом, то что-то вроде этого. На лице лежала несмываемая тень половых излишеств и некоторой брезгливости, чрезвычайно свойственной всем крупным начальникам в результате каждодневного общения с людьми. Человек, вынужденный постоянно заниматься обманом и демагогией, при молчаливом согласии стада, в конце концов утрачивает способность уважать людей. Ли Иванович прошёл все стадии. Сначала преклонялся он сам, потом преклонились пред ним. Он не уважал ни тех, пред кем вынужден был преклоняться, ни тех, кто сейчас лебезил перед ним. Охранник, в обязанности которого помимо основных входили функции Шехерезады, с ходу принялся сорить рыбацкими, охотничьими и банными историями. Начал же он вот с какой:

«Было это в Европе, году так в 1974, если не ранее. Как вы знаете, в поездах, прибывающих на большие станции, сортиры закрывают ключом, дабы никто не мог в них попасть. В Европе же с этим дело обстоит ещё строже, чем у нас. Так вот, один мой приятель, счастливый обладатель профсоюзного круиза по железной дороге, добытого ему его комсомольской женой, уже увидевший Средиземное море и полностью удовлетворённый, как видами, так и покупками, ехал на поезде назад, ожидая скорой встречи со своей ненаглядной родиной. Как на зло, на той станции, где они сейчас остановились, поезд имел длительную остановку, а мой приятель, зачитавшись книгой про автомобильные движки, совсем забыл о своих естественных потребностях и вспомнил о них, когда его желания росли с каждой минутой, а возможность их удовлетворения убывала. Нет, на вокзале, разумеется, был сортир, ещё один сортир был на перроне. Однако близость вокзального сооружения моего приятеля не обрадовала, ибо оно явно было платное. Сам его горделивый вид показывал, что вы входите в храм чистоты, но за чистоту надо раскошелиться. А вы помните те времена, когда каждая кроха валюты была на счету, а расставание с ней приводило к горьким слезам и сенам. Мой приятель стал искать выхода из нараставшей ситуации. Побродив по перрону гуляющей походкой, и чувствуя, что ему становится всё более невтерпёж, мой приятель наконец решился зайти в другое учреждение, пока-

завшееся ему по виду более демократическим, даже благотворительным. Он зашёл в заведение и через несколько минут уже собирался покинуть его в совершеннейшей гармонии с самим собой, как наткнулся на неожиданное препятствие – дверь была заперта. Нервно подёргав ручку и думая, что это подшутили его совагонники, мой приятель скоро убедился, что никто открывать дверь не собирается, потому что и это заведение платное. Тоскливая стрела пронзила его сердце. Сквозь маленькое окошко в двери он видел, что пассажиры его поезда, ещё недавно прогуливавшиеся пол перрону, бегут к вагонам и запрыгивают на подножки своих вагонов. Поезд готовился отбыть в родные дали, и мог сделать это, не взяв его с собой. Возможность остаться одному без документов, денег и вещей в чужом городе за границей, стать по своей сути невозвращенцем, отщепенцем и потерять навсегда доступ к визам за границу, смела остатки разума у моего приятеля. Он стал биться в сортире, как сокол в неволе, оглашая округу дикими криками и клёкотом, а стены ненавистной темницы – страшными ударами ног и головы. Кто-то испуганно шархнул от сортира, но не более того.

Однако не найдя ни у кого поддержки, он стал оглядываться и узрел над дверями довольно узкое стеклянное окно. Неистовыми усилиями, сначала встав на унитаз, а потом упираясь ногами в скользкие стенки сортира, он пополз наверх. Он подтянулся и ногой разбил окно. На странные звуки, доносящиеся из заведения, стала собираться толпа. Когда наблюдатели увидели, что из окна сортира, изгибаясь, как уж, стал выбираться молодой человек, она застыла. Изогнувшись, как гитана, наш ловкий путешественник пролез через щель, и вниз головой свалился на землю. Когда он вспрыгнул на подножку, поезд благополучно тронулся и скоро был на родине».

На этом Шехерезада с пистолетом прекратила дозволенные речи и стала смотреть в рот Ли Ивановичу.

Дослушав до конца, Ли Иваныч милостиво засмеялся. Он хорошо и сам помнил те времена, когда сначала занимался мелкой фарцовкой и торговлей пластинками, а потом перешёл на импортную косметику. Кому теперь нужны эти вонючие пластинки, чушь всё это, господа!

Рассказ был окончен, станция осталась позади, поезд мерно стучал на рельсах, водка была раскупорена и выпита, охранник сразу лёг спать, и было любо дорого смотреть, как это дело у него получается, а Ли Иванович подрёмывал у окна. В купе царил приятный зеленоватый свет, свидетельствующий, что приближается полночь. Ему снился длинный сон, какие никогда прежде не снились.

«В плохо освещённой не каптёрке, не то сторожке сидел маленький человек с всклокоченными, абсолютно белыми волосами и жаловался на судьбу:

– Ах, гады они, гады! Ни чести, ни совести! Человека нельзя заставить мирно признать чужое превосходство. Работаю уже лет сто пятьдесят, в ихней шараге имени Павлика Матросова, и что? Ноль с плюсом! Ах, гады они, гады! Сволочи! Падлы! Это же если бы люди были, а то так, мафия из Сицилии! Гнусная порода, рождённая наркотиками и радиацией! Пиф-паф! Я тебя убил! Ах, они гады, гады собачьи! На такую мизерную зарплату назначили меня энтузиастом по наглядной агитации! За пятак в рай хотите попасть! Золотую рыбку в унитазе ловите! Ах, вы гады, гады, сволочи проклятые! Вот вам фигу, господа из шарашкиной конторы имени Павлика Матросова! Ваш Павлик вам не поможет, как ни колотитесь об забор! Какое дышло, такое и вышло! Я вам устрою Карфаген в полном объёме ощущений, схватитесь, – а уже поздно. Я на вас такую оду в центральную прессу накапаю – тошно станет! Критику зажимать? Ах вы, гады, гадуки, свиночки, сволочи семибатьшныи! Свиночки натуральные! Я это дело раскручу, будет вам тошно! Всю оставшуюся жизнь будете в аптеку бегать за слабительными антибиотиками, так я вас критикну. Ах вы, гады, гадукины! Сволочь такая! Я ещё выведу вас на чистую воду! Клистирные трубки империалистические! Бары!

Ох, и расплодились эти высокопоставленные бурундуки местного производства! Словес никаких нет! Кооператив что ли с горя открыть по производству клистиров? Не знаю уж, что и делать с этими клопштоками!

Тут около белого человечка оказался телевизор в форме рыбы и из него текст пошёл фальцетом:

– Я вам сочувствую!

– Я почти сыт вашим сочувствием! – злобно сказал белый гражданин в воздух, рядом с телевизором.

– Хорошо! – сказал телевизор, – Вчарась наша фабрика выпустила клистир, который поднимали на второй этаж глазной поликлиники на домкрате. Главврач больницы Свинтухов бегал вокруг чудовищного пузыря и давал ценные указания:

– Слева забегай! Подпорка не вынесет! Забегай слева! Справа заходи, говорю! Вира! Давай! Клистир давай! Давай его подымай! Мудырь! Голобас! Вуликс! Фенол! А на Марс мы всё равно первыми высадимся на ходулях!

Клистир, весивший пудов двести, медленно пополз вдоль стены, за которой смиренно лежали прикомандированные от авиаотряда рожаницы, и на следующий день красовался в Большом Зале уездной Ягодицынской больницы. Рядом стоял дубовый пульт, и серьёзные монтажники прилаживали к нему разные технические чепукрыжечки, шмакодявочки и винтогвоздики, готовили к запуску серьёзно и надолго. Всем хотелось верить в прекрасное будущее, которое не за горами.

– А зачем он нам нужен? – с ужасом подумал главный врач Велемир Жопко, – На кой ляд мне этот клистир? Гулливера ко мне, что-ли положить? Ей-богу! Лучше бы Карла Маркса перекрасили бронзовой краской, облупился весь до гульфа! Срам-там-там! Срам-там-там!

А на следующий день пришли рабочие в спецовках и написали на клистире:

«Двухсотведёрный Клистир Клим Гоношилов».

Ввиду неожиданного появления «Клима», партию отравленных дустом, щедро расквартированных в бехтеревых помидорах, пришлось временно поместить в подвале на соломе, где раньше жили лошади трофейной ломовой породы, а умирающих вынесли на улицу комиссара Кукшенка отдавать концы на чистом воздухе.

В то самое время, когда врач Пузынников волновался и бегал по коридорам, не находя себе места, больницу расформировали и всем сказали убираться восвояси, потому что это теперь не больница, а кожгалантерейный завод, и завод не сегодня-завтра начнёт работать в полную силушку, и выпускать продукцию для республики и нужд.

Клистир домкратом придвинули к окну-розе и, подтолкнув при помощи дееспособных больных, сбросили из окна вместе с витражами. Менять нужно! Задавил клистир всего семерых, и все сказали: «Слава! Слава Богу! Всего семерых задавил!»

Так как по бумагам в силу вступало кожгалантерейное начальство, всех больных и добровольно умирающих вынесли совсем за забор на улицу, а некоторых особенно заболевших сбросили в грязь для прохлады.

А ведь зря сбросили клистир. Из него можно было бы сделать чан для отмочки кошачьих шкур, которые шли на котиковые шапки и воротнички кукуевской фабрики N 3-Д 397. Артикул.

Комиссар Кукиш сидел на лошади и вперял в пролетариев грозный взгляд идеологического человека прошлых веков.

– Для будущего нужна твёрдая гарантия. Чтоб Зорников знал! Дайте им шоколадку! Пусть обожрут! Дело иначе не сделать! Иначе большевизм в нашей стране не победит!

И он отдал шоколадку, завёрнутую в туалетную бумагу своим врагам.

– Ну, здравствуй, Леонид Александрович! – добавил вкрадчиво телевизор и взорвался от напряжения.

– Здравствуй, Марина Фёдоровна! Я очень желал вас видеть!» – донеслось сверху, – Мы уже здесь! Когда коронация?»

Внезапно Ли Иванович вздрогнул, как будто его ударили электрическим током и широко открыл мутные глаза.

Прямо перед ним сначала возникла расплывчатая лампочка, а потом голубая светящаяся точка. Она быстро увеличилась в размерах и превратилась в причудливо извивающуюся дымную змею. Змея мало того, что извивалась, но как будто колебалась в недвижимом воздухе. Змея медленно опустилась к покрытому ковром полу, сделала фортель вокруг своей оси и превратилась в очень маленького и очень изящного человечка сантиметров тридцати, чуть было не сказал – в диаметре. Высотой, высотой был он тридцать сантиметров. Человечек оказался нервным чистюлей, едва вывалившись на пол, он стал отряхивать широкий чёрный плащ, а потом забежал под столик на котором мирно потряхивали бутылки и стаканы.

Встреча с такими чудными персонажами, как этот малюсенький пижон не входила в планы Моппса, так как свидетельствовала о том, что Ли Иванович, уже бывший однажды на излечении от алкоголизма в знаменитой Кузьминке, допился снова до полной белуги и теперь снова наблюдает абы что. Поэтому он, начиная трезветь, замер и полузакрыв глаза, решил понаблюдать за происходящим, прежде чем делать какие-либо оргвыводы.

Через некоторое время раздался точно такой же, как и в первый раз тихий и нежный звук. После этого в воздухе появилась серая безобразная блестящая змейка, а потом змейка довольно тяжело брякнулась об землю и оказалась крошечным толстяком не то в каком-то балахоне, не то в тоге и толстячок что-то бормоча, устремился на карачках под сиденье. Там он видно столкнулся с первым визитёром, и они что-то стали лопотать между собой. Как Ли Иванович ни вслушивался мясистым ухом в беседу незваных гостей, так ничего не понял. Хотел он толкнуть на всякий случай охрану. А потом и подумал, дай-ка всё же посмотрю за странной компанией, а если нападут, тогда, да, надо принимать меры. На всякий случай он пощупал под подушкой портмоне с баксами, и портмонет оказался на месте.

Между тем прозвенело в третий раз и судя по тому, что где-то по радио ударил гимн Сан Репы, от которого у всякого пионера мурашки бегут по коже, и стало ясно, что стукнула наконец полночь. В третий раз прозвенело, и дымная стрелка качнулась в воздухе, расплылась на кляксы, и соткался из неё третий – ещё более странный тип, похожий на лысого Буратино, с таким же диким ртом, какой в детских книжках рисуют.

«А рот-то какой, заметил Ли Иванович, рот-то какой, дупло, а не рот, с гнилыми зубами и покрытым зелёными пупырышками языком».

Заметил он это верно, но что делать при этом не открыл.

Маленький противный гагарин не то тихо залаял, приземлившись, не то заскулил, и его тоже одним рывком увлекли в укрытие.

Ещё больше трезвея, Моппс внезапно вспотел. Вдоль хребта потекла противная струя, рука занемела, в сердце его заныло, как всегда бывало с крутейшего бодуна.

– Это что тут за междусобойчик? – пронеслось в беспокойной голове.

Выпрыгивающие из воздуха человечки на этом не кончились, наоборот, вскоре попёрла какая-то гадость – следующими были две вёрткие бабёшки, одна чернявая с длинными волосами ниже пояса, а вторая крашеная, с короткой причёской. Обе, едва появившись на свет, сразу стали похабно вихлять бёдрами и тоже ускакали под диван.

– Нарвался таки! – подумал Моппс и, слушая приглушённые взвизгивания незваных малюток, стал прикидывать, что делать. Долго ему раздумывать не пришлось – малютки косяком потянулись к двери, вероятно, чтобы покинуть надоевшее им купе. В неярком призрачном свете вопреки всем писаным законам физики они плавно летели прямо перед глазами хозяина города Сблызна.

Сблызнов – Сблызнов! Та ещё дыра. Кто тебя выдумал?

Первым летел маленький главарь в кепке над глазами, вторым – дёрганнный толстяк, третьим этот чёртов Пиноккио, потом уже где-то приодевшиеся в перья бабы. И Моппс не выдержал. Кто его дёрнул, Зуд ли администратора, алкогольные ли пары в голове, что другое, неизвестно, да только случилось дальше вот что – Моппс резко выкинул пухлую руку и поймал-таки первого, схватил его в кулак и сжал там. Гном взвизгнул и стал вырываться, но не тут-то было. Другие гномы опешили на секунду и заметались по купе. Одновременно Ли Иванович крикнул в голос, поднимая охранника:

– Саша, блох не ловишь! Я поймал!

Но Саша, жёлтый, как манекен, не шевелился и не подавал признаков жизни.

Тогда Моппс крикнул так громко, как мог. Саша вздрогнул. Пока он вскакивал, ещё плохо соображая, что происходит, схваченный рукой Моппса малютка пришёл в себя и, широко страшно открыв пасть, укусил яровитыми клыками Моппса так сильно, что тот выпустил пойманного из рук, завертел онемевшей рукой и заорал на весь состав благим матом.

– Лови их! Лови! Ой, ...! Уйдут! Лови, говорю! Вот говно! – орал Мопс. Страшно разозлённый, он вскочил и в узком пространстве купе размахивал руками, пытаясь сбить вёртких мыльных малюток, метавшихся по всему помещению вопреки всем законам Ньютона. Несколько раз ему удавалось шмякнуть их о стены и казалось, что поймать хоть одну – плёвое дело. Охранник тоже махал руками, как мельница.

И тут случилось неожиданное – малютка в плаще погрозил Ли Ивановичу миниатюрным пальцем с перстнем. Он на секунду замер точно посреди купе в позе распятого святого, затем стал вращаться вокруг своей оси, всё убыстряясь, превратился в сверкающий раскалённый волчок и вдруг разогнавшись, вцепился в потолок, разбил его вдребезги и со свистом вылетел на воздух. И другие усклизнули вслед за ним через дыру. Последним покинул купе толстяк. Похоже было, что он страдал одышкой. Сидя на крыше, он заглянул с недовольной мордой вниз и оказался прямо перед гигантским лицом остервенившегося мистера Моппса.

– Как вы себя чувствуете? – пищал своему высокому начальнику толстый, явно страдающий одышкой малыш.

– Как у Христа за пазухой! – был ему ответ.

– У меня сосед – художник, – горланил малютка, —

У него большой талант:
Он педрила и картёжник,
Но по сути он педант.
По утрам он водку дует,
Завязав узлом уста,
И уж двадцать лет рисует
Он явление Христа...
Всё явление Христа,
Да явление Христа!
Значит каша не густа!
Жизнь висит на тонкой нити
И уходит, твою мать,
Помогите, помогите
Всё ему дорисовать!

И кинул Моппсу прямо в глаза струю красного перцу.

Новогодние звёзды брызнули у Моппса из глаз, мозг перекосясь, только Ли Иванович осел рядом со столом, раздирая руками горестные пылающие очи и благовествуя благим матом.

Оставим потерпевшего вместе с его охранникам разбираться с уже бегущими милиционерами из поездной бригады и поспешим, мой читатель, вслед странной, и как будто уже откуда-то знакомой компании. Где, где мы их видели?

Вызванный из головного вагона, прибежал охранник, посмотрел на внушительную дыру в потолке и, подстрекаемый помощником Мопса, стал выбираться на крышу. Потом вылез и второй. Они увидели прелюбопытную картину.

Импозантный главарь банды малюток был уже не так мал. Он умело вёл свою чернокудрую подругу в туре вальса. Ах, как ловко, как неповторимо ловко у них получалось! Любодорого было смотреть, да некому. Охранники бросились, вынув пистолеты к ним, но лёгкие танцоры, не спешившие расстаться друг с другом, продолжали свои пируэты. Тогда разозлённые преследователи стали стрелять в два ствола в прижавшихся друг к другу людей.

– Мистер Гитболан! – кричала смеющаяся черновласка, – смотри, эти козлы не хотят оставить нас в покое даже здесь! Поучи их танцевать учёную кадрили!

– А где «Брауншвейгский марш»?

– Он в воздухе!

– Моя королева! Твоё слово – мой закон! Господа шпики! Учимся танцевать! Сегодня – моё первое танго на родине! Начинаем с ног! Голову выше! Держите на память, гуманоиды! Как у нас с языком, педы?

– Нормально! Да будь я ниггер преклонных годов,

Линчёванный в Капитолии,

Я выучил бы Репу только за то,

Что это язык и не более!

Граната на длинной ручке полетела под юные ноги агентов фортуны. Они сначала подпрыгнули вверх, как бывает, когда фильм крутят в обратном направлении, а потом ласточкой слетели с крыши спешащего курьерским ходом поезда, один ударился головой в столб, другой схватился за электрические провода. Третьему снесло голову краем тоннеля. На крыше грохнуло так, что все уже начавшиеся ворочаться пассажиры свалились с постелей и стали выглядывать из раздвинувшихся дверей.

– Все на месте? На первый-второй рассчитай-сь!

– Джин!

– Тоник! Расчёт окончен!

– Хорошо! Разойдись!

Белокурую красотку уже схватил в свои жирные лапы тип в тоге, и они тоже закружились, перебраниваясь. Потом худощавый отгеснил его.

– Ты – нелегальный иммигрант, Нерон! – закричал он, – Такие не могут претендовать на обладание лучшими феминами!

– Нет, я – легальный! И не иммигрант, а пилигрим!

– Не пилигрим, а импотент!

– Нет!

– Нет, нелегальный! С ломаным грошом в кармане! С котомкой и клюкой! С перекошенной зубной болью рожей! Бр-р-р-р!

– Лишний миллиард долларов тебе не помешает, Тугги?

– Считаю гнутые медяки, мечтаешь о золотых горах и мармеладных долинах? Я тебя знаю! Держи соплю морковкой, недоуздок!

А Лени и Гитболан, испытывая явное удовольствие, довели тур вальса до конца, расхотались, раскланялись друг перед другом и поднялись в воздух.

Поезд дрогнул, но не остановился, а напротив надал. Агенты робко пробежали по крыше двух вагонов и отстали.

– Эй, тугоухий! Ничего не слышит!

- Никто не знает, сколько будет два!
- Сейчас бухну из пушки!
- Ко мне, гуингмы! Я уж не один!
- Это ты, Нерон, по-тихому прожужжал?
- Давлю в себе раба по четвергам!
- Не увлекайся!
- Вот-вот появится прокуратор Недонос! Разрази его понос!
- Где?
- Не надо пить столь много в темноте!
- Так страшно он кричал, что изнемог!
- Со шлюхой в темноте ночной перекликался часовой!
- Где ты видишь темноту? День на носу!
- Это уже преступная рифма! Не пойдёт!
- Я! Я был котёнком славным, но прошёл чрез несколько таких реинкарнаций, что пре-

вратился в серный порошок, чтобы сто лет в чулане проваляться. Когда ко мне стал клопик прикасаться, я превратился в горного орла, в коробочку не чая возвращаться. Когда же пуля гордого нашла, то перья, трепыхаясь, полетели, и воцарилась над землёю мгла. Чрез пару лет я был банкиром в теле, и только клёкот изо рта порой напоминал ворам, кто их герой. В метаморфозах нету остановки – ограбленный, я по миру пошёл, влача прогнивший ящик на верёвке. Я ждал преобразений, но когда я принял облик взрослого кота? Изведав целый цикл реинкарнаций, я вновь вселился в гордого орла, в своих краях не смея появляться до той поры, когда колокола, как в день Варфоломея зарезвятся...

– Пошла писать губерния! Его можно остановить только кляпом! – прервал дозволенные речи довольный Гитболан. – Вперёд! Нас ждут великие дела! Нет нам предела! Куры – гриль, а штык – молодец! Кстати, куда мы попали?

- Веймарская Республика, не иначе!
- Фу!

– Видите, всё разбито вдрызг! Мусор сверкает на солнце вдоль железной дороги, как алмазы! Люди без тени улыбки! Животные в долах съедены! Леса пусты! – гадал на кофейной гуще Кропоткин.

- Леса срублены ворами к вашему сведению!

– Точно! Веймарская Республика! Обиталище и юдоль людей с рюкзаками и несчастными лицами! Замки пусты, помойки забиты бомжами – картина, в общем-то, стандартная. Юдоль страданий и невзгод! Даю руку на заклание, что целая армия людей живёт здесь только тем, что сдаёт стеклянную тару и мнёт банки из-под пивка. А по телевизору, скорее всего, показывают героев капиталистического труда, честно разбогатевших на продаже соевых бобов и затычек от ванн! Действительно, скажите мне, как в стране, в которой не было собственности и зарплата десятилетиями была не больше тридцати долларов появились миллиардеры?

- Откуда ты знаешь, что помойки забиты бомжами?

– Чую! Чует моё сердце, что здесь не место чистому святому чувству, как говорил великий поэт Поднебесной Ху Ли!

- «Если ты носом учуял
Запах гниющих кишок,

Значит ты снова в Гарлеме». А ты сам вон туда посмотри! – и указал на облачённого в лохмотья согбенного типа, действительно увлекшегося какими-то раскопками в помойных кучах.

- О чём ты думаешь на своей новой родине? – спросил Нерон мечтательно.

– Я думаю об ушах... Как это природа умудрилась вырастить на голове у человека такие уродливые ...ровины? – признался Кропоткин. – Я видел в Чехии на рынке, как крестьянин

вёх на повозке целую кучу отрубленных свиных голов, расхристанных, окровавленных, вот уже сто лет эта картина не выходит из моей головы, когда я вижу людей и думаю об их уделе! Уж лучше бы свинья везла повозку, на которой были бы отрубленные головы этих сволочуг! Ненавижу!

И добавил: «А знаешь, Нерон, мне ночью сон приснился, ты не разбираешься в снах? Я бы заплатил золотыми драхмами... Мне приснилось, что я оторвался от своего горящего космического корабля и раздувшийся скафандр уносит моё тело в открытый космос. Тихо так, что в ушах стальные соловьи поют, звёзды аршинные напротив глаз, а главное, и неясно, к какой из них лететь, какой отдать предпочтение. Тем более, что жизни уже нет ни на одной планете. Меня пронзил такой ужас, какой, быть может, испытывают только в аду. Я охолодел и вцепился в какой-то поручень. Выбор – это самый страшный удел для развитого человека, не всякий способен взять на себя право выбора! И я лечу всё дальше от корабля. И вращаюсь вокруг своей оси. Писать хочется, пить, есть, сношаться, воздух и марихуана на исходе, а сиротские валенки на ногах просят каши. И нельзя молиться неизвестному богу, потому что жив ещё и надежда теплится в сердце, а молиться известному богу душа не желает. Противно. Да и молитвенник, в общем-то остался на планете Земля, забыл взять. И ты не хочешь, чтобы всё это кануло в лету вместе с последними звуками твоего голоса! Не хочешь – и всё! Закричал я благим матом и, слава Богу, проснулся, потому что в этот самый момент этот мерзкий китаец собирался нас скалкой прихлопнуть. Что скажешь?

– Сон, как сон! Не витай в облаках! А главное – не клади все свои яйца в одну корзину! – посоветовал Нерон и отвернулся.

– Яйца в корзину? Весьма оригинальный рецепт! Я подумаю! В корзиночку! В корзиночку! – захохотал Кропоткин.

– И не думай! – перекосялся Нерон! – Не думай ни о чём! Думай больше о семье. Я вот думаю! Семья у меня ой-ёй-ёй – большая, агромаднейшая, жена любимая, Клеопатра, женился я на ней по любви. Любовь была такая, что чертям страшно. Как кошка была моя любезная, но никакого почтения к философии – недостаток существеннейший для женщины её склада.

– Врёшь! Как сивый мерин! Твои жёны – ксивы запряжёны!

– Если мне не изменяет память, в Нахичевани был экстрасенс, который двигал стаканы и возвращал старухам сбережения... – изрёк Гитболан, явно рассчитывая изменить направление разговора.

– В чём – чём? В ванне? – не понял Нерон. – Он не возвращал случайно старухам девственности? Это легче, чем возратить аборигенам сбережения!

– Да, но нынче он сидит в тюрьме по делу «Элэлэл».

– Что такое «Элэлэл»?

– Я здесь без году пять минут, а знаю больше всех вас вместе взятых! Фирма специалистов по финансовым пирамидам! Они обвели вокруг пальца и оставили с носом десять миллионов человек...

– Как им это удалось? Ведь в толпе не все дураки?

– Сетевой маркетинг на службе ума!

– Что скажет наш главный театрал, развратник, извращенец и пророк?..

– И вор в придачу! – добавил Кропоткин.

– Ничего себе! – сказал извращенец, – Так вы меня любите, черти! Молчу! Влюблён как устрица, о, что мне разговоры в чужой стране, где я столь одинок? Мой кошелек на месте! Сочтены в нём дни мои, сомнения и деньги... А граждане этой самой Репы меня, признаюсь вам, как на духу, не очень волнуют! Они не могут быть богаты, ибо слишком рассчитывают на присвоение и воровство! Они вообще ни на что не могут рассчитывать кроме упадка и революции послезавтра! Тот, кто покровительствует ворами и разбойникам даже в малом,

рискует быть ограбленным в большом! Давай споём марш танкистов! Я люблю эту вещь, хотя она кажется на первый взгляд простоватой! Таратата таратата панцирен...

– Воздыхаша, навоняша и в итоге сбежаша! Плутократ! Буржуй!

– Сам ты ваучер! Закуси Фуксию Селёдочкой, Кропоткин! Что-то ты сегодня зелен! Не выспался? Большая совесть спать не даёт?

– Сам выкуси! Разбойник! Плутократ! – поправил треснутое очко косой Кропоткин, блеснул взором и со свистом отвалил в сторону.

Некоторое время компашка летела вдоль окон разогнавшегося поезда, заглядывая в окна, пугая пассажиров разинутыми ртами, все радовались избавлению, свободе, точно так же, как радуется этому бабочка, весной покидающая ненавистный кокон – впереди горделивый мужчина с плотно сжатыми змеистыми губами и усиками над ними, вслед болтающий ногами толстяк в тоге, рядом с ним неудавшийся сын Папы Карло, и в завершение всего – ловкие, пройдошливые по виду молодухи в чёрных чулках, белых перчатках и без штанов. Одна девица всё норовила прильнуть к стеклу и зачем-то подмигивала сидящим в купе, другая – билась в окна своим чёрным модным каблуком.

– Смотри! Клоун! Буржуй! Толстый! Ублажает эпидермус! Жрёт! Жрать – самый вечный и прекрасный религиозный ритуал, даже отпетые атеисты отдают этому долг! – кричала она, – ты знаешь, кто там объедается? Не знаешь? Кем он работает? А я знаю!

– Мастером? – попробовал угадать Нерон.

– Мастером! – кивнула головой смеющаяся босоножка.

– Да! Я восхищаюсь этой рабочей косточкой! На заводах по моим наблюдениям мастерами работают чаще всего вполне приличные люди! Вполне вероятно, что конкретность их деятельности не позволяет им развратиться так быстро! Это, как правило, очень уравновешенные люди. Поэтому, пока есть возможность, в государстве следует поддерживать промышленность не только потому, чтобы вещи делать, но и для того, чтобы люди не отучались от великого Духа Коллективизма. Люди же, занимающиеся всякими абстракциями, чаще всего ловчили и путаники, на них ни в чём нельзя положиться! – громыхнул Гитболан.

– Он мастер педикюра! – дипломатично уточнил Кропоткин.

Гитболана передёрнуло, и он прекратил дозволенные речи.

– Кинь им гранату на обеденный стол! Гранатовый сок помогает пищеварению богатеев! – орал толстяк, багровея.

– А есть на длинной ручке? Я люблю бросать гранаты, но обязательно на длинной ручке! Они такие интимные! Такие добрые! А коротенькие жлобовские лимонки я не люблю!

– Ну, это твоё личное дело! Я в юности любил худых женщин, в зрелости – брюнеток, а к старости полюбил сладких! С дряхлостью ко мне придут нимфетки и не оставят живого места от моей угасающей жизни. Три цвета времени, как говорил Ги де Мопассан. Тогда я брошу с твоего позволения!

Граната на длинной ручке проломила стекло и дико ухнула внутри купе.

Приблизился тоннель, чернея входом, поэтому поезд пришлось оставить в покое и взмыть в ясное небо.

– Вот, друзья мои, и свершилось! Мы здесь! – наконец торжественно изрёк Гитболан.

– А зачем мы здесь? – пробурчал Нерон, – Вы обещали нам интересное путешествие, а по-моему оно просто опасное, чёрт возьми! Не нравятся мне страны, столь разрушенные собственным населением!

– Наводить порядок и карать скверну! Изучать нравы аборигенов! Благовествовать! Покровительствовать немногим уцелевшим здесь честнягам, которые, я полагаю, в такой среде подвергаются всяким опасностям! – перечислял Гитболан, – Отдохнуть от цивилизации наконец!

– Ради бога! Благовестуйте сколько душе влезет, только о реституции не надо! – нервно забубнил Нерон, – Не надо о реституции!

– И ты не горячи мне кровь!

– Читаю у Дая: «Такую холстину, пропитанную...

– ...дерьмом...

– ...Хватит... Дай договорить! Мысль уйдёт!

– Что хватит? А ты меня всё время перебиваешь, это как?

– ...стали называть брэзэнтонм».

– И они счастливы?

– Кто?

– Они!

– Ах, они? Вполне!

– Молчи, гиацинтовая ара! Не надо говорить о реституции!

– Молчу!

– Продолжай! Слова твои – мёд! Уста твои – лагуны! Руки твои – грабли! Пупок твой – канализационный коллектор! Хрен твой – сикамора! И всё у тебя сикость-накость! В общем, води народ свой сорок лет в чащобе, пока он не облезет! Народ к тебе потянется! Народ женственен и слаб, он любит приветствовать вождей в третьей позиции!

– Это главный вопрос! Я должен дать на него внятный ответ! Главное выдумать игру, в которую все будут играть! Битломанию, кубик Рубика, сионизм или фашизм, к примеру! Чудо – пылесос выдумать на худой конец! Но играть должны все! Твоя задача – увлечь толпу новой игрушкой! Чем более всеобъемлющим будет результат игры, тем больше славы в веках и денег в кармане. Игра будет называться...

– Хорошо сказано – «чудо-пылесос на худой конец». Моё воображение заработало в полную силу. Вы пробуждаете фантазию! Как скучно шеф, – сказал Кропоткин, – а вы действительно верите, что существуют безусловные заслуги и подвиги? Сегодня кому-то подвиг, завтра это же можно представить, как преступление. Герой сегодня – завтра пускает пулю в лоб или сидит в тюрьме и читает вражьи газеты. Чудес нет!

– Скучно, но так устроен свет! В игру должны играть все!

– Правила этой игры должны понимать не все! Зачем простым людям забивать голову ненужными им раздумьями? В какую игру мы играем сегодня!

– В напёрстки!

– Идёт! В чём смысл игры?

– Бросить напёрсток в унитаз, смыть и успеть выловить его в бурном потоке! Это – первый, самый простой уровень игры. Второй пласт – посложнее. Этот заключается в том, что ваш помощник должен утащить как можно большее количество кошельков у увлечённых наблюдателей.

– Нет уж! Я плохой игрок в новые классные игры! Играйте сами пожалуйста! А у меня проблемы с реакцией!

– А у меня с эрекцией!

– Боже! Да дай же ты ему наконец здоровья и денег, чёрт побери!

– А деньги где взять?

– Выдумайте что-нибудь! Какой-нибудь чудовищный... то есть чудодейственный крем, к примеру!

– Госпожа Вульвинштейн продавала баночки с сатанинским зельем по полтора доллара за...

– тонну, нах?..

– ... Бутлю! Дела её шли прекрасно! Она сумела убедить глупых человеческих самок, что её липкое варево спасёт их о геенны огненной и гарантирует им вечную жизнь в молодом и желанном теле. Они добровольно отдали ей многие миллионы долларов!

– И что за зелье?

– Да так, какая-то фигня в спирту! Сперму грязных животных в перегонном кубе гоняют приблизительно часа два, потом разбавят глицерином и – по банкам, бл..., по банкам, ..., по банкам! Вот банки должны быть красивыми!

– О как? Ах, дрянь, ах, дрянь! По ней было видно, что это такое! В детстве она была дрянной, завистливой девчонкой... Эта Польша ничего никому хорошего не принесла! Та ещё страна! Тот ещё народец! Католики – одно слово!

– На старости лет она обмолвилась, что секрет крема – основу её богатств ей раскрыл польский врач, который лечил её семейство. Эта сука даже не назвала его фамилии и не поблагодарила. Она считает рецепт своим!!!

– Батенька! Воровка не может благодарить того, у кого она оттяпала миллионный кус! Скорее всего, она и не назвала фамилии, чтобы наследники этого доктора не прицепились к её признанию! Тьфу, гадость какая! Она жива?

– Куда там!

– Вы уже уходите? То есть улетаете?

– Ухожу!

– И пирожных не попробуете?

– Я бы попробовал, да у вас их нет!

– Ах, дрянь, ах, дрянь!

– Кругом обман! Я хотел купить красную рыбу, а потом посмотрел на её руки и расхотел покупать! Всё отравлено!

– Аннексия Марковна! Уничтожайте солитеров вместе с людьми!

– Чудо! Душа чуда просит!

– Да иди ты! В мире есть только одно настоящее чудо...

– Плащаница?

– Какая к чёрту плащаница...

– Кожа с задницы святого Маэля?

– Тьфу, не угадал!

– Пысающие столпники?

– Акстись – деньги!

– Что? Что ты сказал?

– А то!

– Но не это главное!

– А что?

– Я уже забыл. А, вот что – в сблызновском водохранилище появились гуппи-людоеды!

– Подаю на развод!

На сём странный и малопонятный для непосвящённого прекратился и удивительная компания так убыстрила движение, что в ушах засвистело.

Мелкнули и ушли вдаль города:

Допотопинск,

Зачатск,

Берушин,

Гниль,

Голосекино,

Пучеглазов,

Козюлин,

Козолупск,
Отлупск,
Бегов,
Залупанинск,
Буйль Хрустовый,
Мошна,
далее – Чмошск,
Избов,
Бабов,
Семифлядов,
Грязев,
Глина,
Заголяцка,
Хоботино,
Бивни,
Яма,
Собач,
Бешен Лук,
Чушск,
Пионэрино Дно,
Вождёвка,
Дерёвня,
Машкин,
Велиплюгино,
Неурожайка,
Тожск,
Бесштаново,
Голопузовск,
Гольёвка,

Обдиралово – всё спальные пригороды чудовищной столицы на подбор.

Городки были маленькие, невзрачные и словно покрытые не то смирением, не то пылью.

Медленно уходили назад приречные деревни с чёрными, покосившимися избами, изредка разбавленными роскошными замками Синей Бороды. На грязном песке мелких изви-
листых речек неземным светом горели осколки стекла. Люди в пригородах попадались редко,
то ли из-за раннего времени, то ли из малой заселённости. И брезгливый аристократ Нерон,
кривя губы, теперь спрашивал у напарника, с которым, как уже заметил наш читатель, был
в явных контрах:

– Что это? Муравейники? Термиты? Не вижу красной линии в принципе! Они здесь,
что, присягнули бодаться со здравым смыслом, или мама уронила некоторых из них с большой
высоты?

– Да нет! Это хатки йогов! Здесь живут безволосые, прямоходящие бобры! – кричал ему
в ухо галантный Кропоткин, пропуская многое мимо ушей.

– Что это за архитектуральный стилёк?

– Рококальный ампик. Сермяжный классицизм. Архитектура безвременья. Буссольные
сандрики. Сплошной минор! Озимая классика. Яровая эклектика. Архитектура развалин. Эки-
лектика гибели. Где вы, милые, эротические линии немецких брандмауэров? Здесь ничего нет!

– О, эти люди! Как я найду слова, чтобы описать их жизнь? Пить – так до потери пульса,
работать – так до инвалидности, бездельничать – так до опупения, объесться мороженым – так
до смерти! Здесь живут брошенные веками на произвол судьбы люди. Крестьяне! Миллиар-

деры! Бедняки! Бомжи! Господа, снимите шляпы! Перед вами несчастнейший народ на земле! Народ, не сумевший определить своё место в мироздании!

– Сударь! Не путайте Майданек с Манхетеном! – учил Нерон.

– Ха-ха! Приап Харибду сциллил! Сейчас их даже очень можно спутать! Вид приблизительно одинаковый! А хорошо лететь по свету! Ей богу хорошо! И-и-и-и-и! – отбивался Кропоткин. – Хорошо говорить глупости, когда ты свободен, весел и здоров!

И он запел.

– Прими в расчёт расчётливость скопца,
Захват законный, грабежи по плану,
Невинность мародёрства – всё о чём
Долдонишь мне, смешно ли это, право?

– Нет, не смешно!.. – взвыл в отдалении Нерон.

– Знаешь, что это за песня, Нерон? Не знаешь, а я знаю! Это песня Майкла Жепсона. Очень хорошая песня. Мелодичная. Человеческая. Ля-ля-ля...

– Вот сядет сейчас твой Мейкл Жепсон в тюрьму на дюжину лет, и не такие песни сочинит. Там у него будет масса времени для подобных занятий! А то взяли себе моду сочинять человеческие песенки, а потом развлекаться с подростками. Говоришь – человеческая?

Никто Нерону не ответил.

Уже чувствовалось приближение стоглавой Нусеквы. Вдоль железной дороги громоздились бесконечные пакгаузы, чёрные контейнеры с метками мелом и краской, штабеля бетонных рельсов, на запасных путях отстаивались закопчённые бочки с чужим чёрным золотом. Ходили рабочие в чёрных распашонках, с кувалдами. За кривыми, но высоченными заборами чернели ряды побитых судьбой скреперов и тракторов. В свете нарастающего дня гасли лампы за мутными стёклами загадочных производств. Тёк охристый дым из труб. Блекли в светлеющем воздухе дальние и близкие огни. С каждым шагом, сделанным по направлению к столице, становилось всё грязнее и беспокойнее. Уже из домов, повёрнутых лицом к железной дороге, вылезали не выпавшиеся бледные люди, направлявшиеся, по всей видимости, на нелюбимую работу.

У дороги в грязи копались какие-то люди в грязных бушлатах, двое сидели на земле и курили. Их вид настолько поразил высокого летуна, что он сразу же обратился к Кропоткину, которого полагал большим знатоком здешних нравов.

– Что это? – спросил он.

– Как что, это – солдаты! Они несут службу с лопатой и ломом в руках.

– Но они скорее похожи на молодых нищих из чумного барака. Неужели – и вправду солдаты?

– А то, как же! Гвардия наизнанку! Но это ещё не всё! В их армии служат ещё и партизаны...

– Как интересно! А маркитантки у них есть? И что же, как они служат, по лесам, болотам, как всегда? Пальнул и убежал?

– Да нет! Во-первых, остановимся на том, что такое партизаны. Вопрос, конечно, интересный. Партизаны – это как бы офицеры запаса, которых властям удалось выловить на месячные сборы. Разумеется, не о славных парубках Колпака мы будем говорить, а о молодых худосочных существах, которых государство, которому не охота тратить денег на нормальные сборы, вырывает с мест обитания, облакая в клоунские, допотопные формы. Приблизительно такие же, как вы сейчас видите, шеф! Формально это делается для повышения обороноспособности, но реально – для воспитания рабов. Попасть офицеру запаса на эти сборы – навсегда утратить репутацию среди бледнолицых! Многие считают, что смерть предпочтительнее...

Кропоткин так бы и продолжил просвещать своего донельзя заинтригованного шефа, если бы не увидел, что тот пристально всматривается сверху в стену приблизившегося одноэтажного строения.

На торце здорового, обитого сайдингом сарая громоздилась гигантская вывеска с оторванным краем. На ней красовалось несколько шедевров рекламы:

«Порепанная Сан Репа» – партия нового типа».

Прочитав плакат, белёсый толстяк стал рассуждать вслух:

– Это какого-такого типа? Не того ли, с рыбьими глазками, который в каждой купе поезда был? Не того ли?

Впрочем, другие плакаты были не лучше:

«НАШ САЙТ – WWW.PORNO.Rep. Наш Сайт – ваш сайт!»

*****ЕВРОГРОБ из ЕВРОСАЙДИНГА – мы идём к ВАМ!*****

Ресторан «Пылающий Пингвин!

\$\$\$\$ – Суперхряк! Охота из омнибуса! – \$\$\$\$

ШКОЛА КЛАССИЧЕСКОГО МИНЕТА «РАЗДВАТРИ»

Гастролирующий комик Маури Шелуповский!

Фокусы с картами и прочие антрепризы»

Психиатр Фредди Крю!

Излечение токами на дому.

Т. 66—66—66

А в небе в это время парила белая бацилла с импозантным готическим росчерком: «Зоофилия Манкевича».

– Хороша реклама! Пингвин лучше писающий! – гремел в небесах высокий напористый басовитый фальцет, – Перед нами первоцвет доморощенного восточного капитализма, и посмотрите, сколь много среди писающих пингвинов – инородцев! Их мёдом не корми, но дай поучаствовать в разных низменных афёрах, поплавать в мутной воде, попысать компотом! Эти славяне напринимали тут всяких людишек на свою голову, а теперь не знают, что делать с их бессовестными детьми! А ведь трогать придётся, чует моё сердце! Чует сердце, хоть и не лежит!

– Ты не о том! Какой чудной народ! – восхитился Гитболан, – Кропоткин, а не доложишь ли ты мне, чем они заняты сейчас?

– Да кто чем! – пожал плечами Кропоткин, – одни ползают по помойкам в поисках доисторических газет, другие перетаскивают капиталы в безопасное место, третьи строят офигенный храм на северном полюсе! Четвёртые стреляются!

– Они, что же, хотя повторить подвиг святого Маэля приобщить патриархальных пингинов к нетленным ценностям евхаристии и обрезания? – склонил голову Гитболан.

– Ну положим насчёт обрезания вы круто выразились... А пингинов обратить к христианским ценностям хотят! Не без того!

– Молодцы! Следующим шагом на этом тернистом пути должно быть строительство христовых яслей на Луне, не так ли?

– Подскажи этой шелупони! Она не знает! – отвечал Гитболану другой голос, не ниже.

– Придётся этот навоз трогать! Точно говорю! Кстати, ты заметил, что кувалды они насаживают на лом? Это настоящее ноу-хау!

На другой стороне барака тоже были рекламные украшения, не хуже:

«Дрессированные нусековские ослы».

«Корпорация «Сила»!

«КРУТЫЕ ПЕЙДЖЕРЫ Мули ШОСТАКОВИЧА!»

«Пластик Оно Рэп»

«ВЫТЯГИВАНИЕ ЯГОДИЦ и персей по методу профессора Анатоля!!!»

«Новая синерама «С костылями – на Луну!»

«Эротическое Пип-Шоу «Чистота»

«Литые Компьютеры» Шаббатия Молокососова – в рассрочку!

«С новым мэром – Нусеква не сдаётся!!!

«Голосуем все!»

– Смотри, Нерон! – перекрикивал Кропоткин вой ветра в ушах, – Сколько продавцов фекального золота! И какого! Вонючейшего! Препохабнейшего! Золотое говно! Алмазная грязь! Тинейджеры во фраках! Да здесь настоящий Клондайк для алхимиков, добывающих сапропель будущего из болотной жижи настоящего! Нет, шеф точно гений! Шеф, я восхищён! Какой матёрый античеловечище! На сей раз он выбрал место, где нам точно не придётся сучать ни минуты! Юдоль! Молокососос! Вытягиватель ягодиц и персей! Девочки в рассрочку!.. «Разведение Глистов под Ногтями». Выдумали! А тоже... небось был пионером и девочек в лагере под бодрые речёвки щупал! А дочек своих любит, небось, и не хочет, чтобы Чикатило был у них учителем словесности! Вот гнусные лжецы! Твари подлые!

– Не ругайся! – только и сказал Нерон в ответ. – И запомни: обладание честью – самое страшное наказание для бедного человека!

Нерон заметил, что придорожный ветер носил целую кучу каких-то бумаг. Он спустился почти до земли и на лету схватил кучу листков, которые тут же поднял к глазам. Ознакомление с содержимым бумаг нерона не обрадовало.

– Во словоблуды! Какие словоблуды! – сказал он, – Читаю...

– Что это такое? – откликнулся Кропоткин.

– Литературно-критический журнал, судя по обложке! «Умляют» называется.

– Читай!

– «Эти виртуозные, донельзя стыдливые матерные вирши, кричаще и празднично наплёванные на искрящееся полотно жизни, создают абстинентальную отстранённость гносиса». Что это за муть? Для кого они это пишут, козлы?

– Для тебя!

– Вы хотите сказать, герцогиня, что он углубляет гротескное снижение глубоким введением...

– Не надо меня парафинить! Напиши им в редакцию свой рецепт.

– Какой рецепт?

– «Отрезать голову неострым ножом. Опалить. Мозги пробланшировать. Положить на блюдо, прошпиговав нарезанными ушами. Лук не добавлять! Поставить в духовку на сорок семь минут при великом огне. Отрезанную голову посыпать майораном. Подавать к столу под католические гимны». Они шутят над тобой, пошуты над ними!

– Ихняя критика уже отрезала мне голову, и не только отрезала, но и посыпала её майораном!

– Хватит! Хватит об этом! У меня в голове родилась небольшая, но прекрасная поэма. Хочешь услышать?

– Не надо ради Богов! Помилуй!

– Возьми скрипичный ключ, и оным по балде
Ты нанеси удар для вящей пуши,
Чтобы воспоминаньем о грядущем
Не обломились всуе абы где.
Поэзия. Достойна ты похвал
И вознесенья в самом высшем тоне;
Тебе готов служить, сколь и Мамоне!
Я в этом деле, право, не бахвал!

Люблю индейцев и индеек вкус,
Помёта цвет и запах спермацета,
Я не люблю ни вора, ни клеветы,
И слушать не люблю, как поет гнус.
Возьми скрипичный ключ, и оным по балде
Ты нанеси удар для вящей пуши,
Чтобы воспоминанья о грядущем
Не обломились всеу абы где...

Число... Подпись... Ну как?

– Как всегда! А вот ещё подарок – «Ирен Кирикука – Ваш Депутат», – засмеялся Кропоткин, – Баба что ли?

– Похоже! Впридачу к Кирикуке кто-нибудь есть?

– Ешла Стриженная, Софа Обиженная!

– И всё? Негусто!

– Ах, ты гадина подколотная! Вспомнил! Знаю эту высохшую мумию! Гадина, в которой от женщины есть только половые органы определённой формы! А по сути это – зверь зверем! Никакой жалости к беднякам!

Как при столь высокой скорости летевшим удавалось рассмотреть все эти китайские лозунги, выполненные в разных размерах, разными гарнитурами, навсегда останется загадкой. Ещё более загадочно, как Гитболан разглядел внизу стены какую-то приписку углём, а он разглядел.

– Нерон, посмотри, – сказал он, – что там приписано?

В руках Нерона внезапно оказался гигантский флотский бинокль. Он придирчиво посмотрел в него, а потом и сказал:

– Там написано от руки: «Ваша демократия – говно!». И под надписью нарисована свастика. Опять в эту страну гадость двуглавая вернулась! Можете сами посмотреть, если не верите!

– Ты о ком? – полюбопытствовал Кропот, устремив на говорившего оратора влажные оленьи глаза.

– Что о ком?

– Ну, ты сказал «Двуглавая гадость»?

– О двухвостке! Не о свастике же! Не понятно, что ли? Реклама! Лавочки! Если они будут себя так вести, я рано или поздно отстегаю их многоголового дракона по медной заднице! Жаль, сейчас времени нет! – заюлил Нерон и, чтобы не продолжать, перевёл разговор совсем в другое русло. – Бдительность – наш рулевой! Я вам должен доложить, шеф, здесь не место, где живут ангелы! Вакханалия жульничеств недавно прокатилась по Сан Репе. Ушат воды, вылитый на головы обывателей раскрытием греческих секретов построения пирамид, с одной стороны заставил обывателей быть хитрее и предусмотрительнее, а с другой – заставил строителей пирамид быть ещё ушлее. Это естественно. Солдат всё глубже закапывается в землю, его враги делают всё более глубинные бомбы, пытаясь его достать из глубины, где он прячется. У них – конкуренция. Чем больше раковина у улитки, тем длиннее и крепче клюв птицы. Последняя модель, которая применялась здесь, меня очень рассмешила. В городе появилась фирма, которая стала рекламировать чудо – луковицы, выделяющие целебный сок жизни. Предлагалось, заплатив пятьдесят гренцыпуллеров в контору, получить кучу этих замечательных луковиц и дома прорастить их, а после сдать обратно для переработки. Бывшие крестьяне клевали и прорашивали. Когда они спрашивали, что будут делать далее с пророщенными луковицами, им предупредительно отвечали: «Они сок выделяют! Целебный! Будем

давить!» И ужасающе пучили глаза, что, вероятно, и выражало всю мощь нового целебного сока.

– Я размышлял, насколько глупы обыватели, – подхватил Кропоткин, – Ведь ещё недавно большим конфузом кончилась история чудо-лекарства «Молодит», а трогладиты уже лезут в следующую афёру. Главное в этом деле для вора – выдумать какую-то интересную форму игры в отъём денег. Тогда всё идёт, как по маслу! Клиент прёт, как карась в грозу.

Так как за пророщенные импортные луковицы фирма на самом деле заплатила, слух о новом волшебном способе заработка прокатился по окрестности Нусеквы. Пришла куча людей и скупилась луковицы, надеясь через месяц получить деньги. И эта партия была скуплена. Через месяц они сдали луковицы в контору и получили деньги, что, естественно, окончательно укрепило всех в надёжности помещения денег. Тогда пришла огромная толпа и закупила луковицы огромными партиями, после чего занялась посадкой чудо-растений в свои горшочки. Когда через месяц (А вегетационный период роста загадочных луковок оказался именно таким), когда первые побеги вылезли наружу, уже не было ни фирмы, ни сотрудников её, ни даже вывески. Денежки исчезли. А вы говорите – сок выделяют! Слёзы от этих луковок! Одни слёзы!

– Ну, ничего! – сказал Гитболан, – я сок из них выделю! Желудочный!

Больше вопросов к Нерону не было.

А полёт продолжался.

Глава 2. В глубь Сан-Репы

Боже ты мой, – думалось, должно быть в этот час кому-нибудь из сидевших у вагонных окон, – боже ты мой, как грустна моя ненаглядная Сан Репа! Неужели же это уродливое нагромождение сараев, свалок и замков Синея Бороды, в конце концов, завершится чем-нибудь стоящим, замечательным, заслуживающим внимания и похвалы? Неужели? Неужели же впереди Нусеква, которая числится столицей нашей в далёком прошлом великой родины?

Не завершается. Серый, зачумлённые поезда всегда бегали по рельсам. Серые, безликие строения всегда высились здесь, сменяли друг друга и если в них и было что-то отличное, так это только степень уродства. Особенно ужасны были новенькие входы в бараки, напоминавшие сёдла на спинах коров.

А ведь были времена, когда сидящий в вагоне и начинавший чувствовать приближение Нусеквы, поднимался духом и говорил: «Ну, вот и я опять в Нусекву приехал! Нусеква – это столица нашей Родины. И не смущали его ни грязь на подъездах, ни бараки, раскиданные кое-как, ни этот всеобъемлющий дух отсутствия малейшего порядка – сердце всё равно радовалось. Ушли те времена. Ушли безвозвратно. И словно искристая пелена спала с очарованных глаз, открывая путнику только вековечное уродство жизни.

– Что за улица? Посмотри, Кропоткин, у тебя глаз, как у орла! Что ты там видишь, Ватерпас? – скомандовал Гитболан.

– Ту-пик Тол-сто-го! Всё!

– Значит должен быть и тупик тонкого! – не то съязвил, не то показал свою неосведомлённость Нерон. – Мне больше по душе тупики для толстых!

– Да, интересные ребята, они как будто издеваются над своими самыми видными людьми, то статую писателя Пилатова сделают так, что без слёз не взглянешь, то именем Толстого назовут помойку с рельсами, в общем – всё у них не так! – резюмировал Гитболан.

И Кропоткин, как будто желая перехватить пальму первенства у завязанного театрала и мизантропа Нерона, запел песню, которая чудесным образом пронзила его летящий мозг. Загадочные слова о загадочной стране взялись ниоткуда:

«Вставай с колен, Языческая Нусь!
Твой долгий плен был тяжек!
Ну и пусть!
Твои сыны,
Идущие в поход —
Тебе верны!
Вперёд! Вперёд! Вперёд!
Враги сильны!
Они со всех сторон!
Победа наша до конца времён!

Славяне! Славяне
Из сёл и городов!
Славяне! Славяне
Не свора рабов!
Если с нами народ,
Значит скоро придёт
Время наших великих побед!

Вставай с колен, Языческая Нусь!
Ждём перемен,
Смирив гнев и грусть!
Твои сыны
И данники судьбы
Стряхнём оковы мы
С твоих прекрасных рук!

Славяне! Славяне
Из сёл и городов!
Славяне! Славяне
Не свора рабов!
Тебе отдаём мы все наши сердца!
Мы будем сражаться с врагом до конца!
И победа придёт!
И победа придёт!
Вперёд! Вперёд! Вперёд!

Неведомый миру автор не избежал в песне перебивов ритма, но искупил это искренностью и верой.

Такой всплеск свежей энергии не мог остаться незамеченным.

– Это откуда ты взял? – спросил смеющийся Гитболан между куплетами, делая в воздухе бочку, как какой-нибудь Нестеров. Его чёрные фалды трепались на ветру, как вороновы крыла.

– Я в своё время в ином мире спрашивал у Рафаэля, – дипломатично ответил Кропоткин, – «Кто вам позволил делать такие картины, сэр?»

– И что же он вам ответил, Крот?

– Что он мог мне ответить? Такие люди на дороге не валяются! «Мои способности, месьир!» – он мне ответил! Он так и сказал тогда! С горделивым сознанием своего могущества и таланта! Порода! Нет, что ни говори, в истинных аристократах былых времён всё-таки что-то было! Я отвечаю так же! Песню мне пропели Боги в сияющих небесах! Я всего лишь счастливцев, в нужный момент оказавшийся вблизи Богов с вечной ручкой и бумажкой в руках! Я всего лишь проводник молнии. Гений – это человек, которому Боги позволили подслушать свои беседы! Красиво сказал?

– Напечатать и дать мне на рассмотрение! – завершил Гитболан. – Ты не безнадёжен! Но я знаю, что не все лица преданы чести так, как избранные! В мемуарах одного человека приводится современная история молодого человека, которая меня поразила. Он был сыном партийного босса и, окончив вуз, работал в конторе, пока не был призван в армию. Оказалось, впрочем, что в армию он шёл по доброй воле, так как завёл любовницу и хотел надолго исчезнуть с семейного фронта. На второй год службы в вооружённых силах Сан Репы, молодой человек в припадке ярости сломал нос военного строителя, оказавшегося на его несчастье сыном народного акына Лапердустана. Дело, уже было замятое, закрутилось снова. На горизонте забрезжили исправительные работы и решётка на окнах. Тогда он совершил побег из армии и снова выплыл в городе Сблызнове в качестве курсанта семинарии. Окончив семинарию с отличием, но не сойдясь взглядами с ортодоксальными отцами святой церкви, он покинул богоугодное заведение и занялся продажей больших партий оружия в Южную Африку, от имени Афило-Санреповской фирмы. Далее дела фирмы пошли не столь блестяще, и теперь он, я полагаю, работает священником в каком-нибудь приходе! Как вам история?

– Не вижу в этом ничего исключительного! Всяк уцелевает, как может! – ответил толстяк подобострастно.

На этом разговор на некоторое время прекратился вовсе.

А бараки по пути следования только разрастались.

Надо было двигаться ещё около часа вдоль всего этого хозяйства, чтобы наконец вползти под весёлые, похожие на кулинарные изыски, башни Креольского вокзала. Велика Нусеква, и непостижима. И отступать тут некогда. И некуда. И уже и некому. Всё уже поделено!

Возобновившийся разговор летящих впереди мог бы заинтересовать кого угодно, будь он услышанным кем либо.

– Шеф, я хочу продемонстрировать письмо одного человека. Оно свидетельствует о настроении населения в этой стране, и знание его содержания будет вам полезно! Помимо всего прочего в письме он упоминает персон, их имена, я уверен, заинтересуют вас! – сказал человек-бочка, похожий на барона Аджопильского. Его звали Нероном, как мы уже знаем.

– Давай! Я слушаю!

– Письмо отправлено прокуратору Сан Репы и я полагаю, что эта страна именно так и называется.

– Читай!

«Господин Прокуратор!

Я решил обратиться к вам не потому, что я уважаю ваши взгляды, но потому. Что я знаю ваш здравый смысл...

– Зачёркнуто! Видимо он решил не лебезить перед этим типом и не хвалить его за то, чего у него нет! Далее...

...В 199... году Ваше как бы государство совершило над нами невиданную шутку – украло все сбережения – мои и родительские. Сбережения моих родителей составлены из сорокалетних усилий отца и штопанья носков моей матерью в течение многих лет. Они работали восемьдесят лет! Мои накопления составлены двумя годами службы в вашей как бы армии – офицером. С тех пор прошло много лет. Не в ходе сокрушительной войны, не в результате стихийного бедствия люди были лишены всего. Государство не объявило себя банкротом! Случилось невозможное – государство само решилось на бандитские, немотивированные действия. Государство решилось также расстаться со своей репутацией.

С тех пор, вопреки здравому смыслу, Ваше государство не признало и не признаёт внутренний долг, оно не произвело пересчёта, долг не обслуживается уже десятки лет. Так с нами не поступал даже Торф Зиглер во время последней войны. Все эти «компенсации», вместо нормального обслуживания долга, удивительны даже мне, лишённого экономического образования. Выплачиваемые произвольно, они свидетельствуют только об очередном нарушении элементарных прав и производятся вопреки законам. Почему одни получают, другие – нет? Если мы граждане одного государства, то у нас у всех одинаковые права и обязанности. Если этого нет, то значит, нет и государства. Ваше государство поступило так с лучшими поколениями, с теми, кто воевал за вас, с теми, кто всё строил, с теми, кто нёс последние рубли не в теньевую экономику, а в банк государства Лаурентии, о правопреемстве с которым вы заявили. Вы так добросовестно платите по внешним обязательствам, что уместен вопрос, за что вы так любите их, и так не любите нас? За нашу честность? Лояльность? Вы жестоко наказали нас за это! Ответственность населения, в очередной раз смолчавшего перед произволом, была понята слабостью, отсутствие гнева и протеста – глупостью. Кто вы есть? Предатели? Воры?

Такова материальная сторона вопроса.

О моральной стороне я говорить того, что вы сделали, не буду, ибо ваше государство поставило меня перед невыносимым моральным выбором – я обязан быть лоялен, и защищать тех, кто убивает и бесчестит меня, и обесчестил чаяния моих, покойных ныне, родителей? Я должен, как офицер, защищать напёрсточников, обмишуливших меня на вокзале, и когда я хочу спросить, где деньги, вверенные на хранение, показывающих мне пустые стаканчики и резиновый шарик?

Я раз за разом возвращаюсь к одному и тому же вопросу далеко не из-за денег. Я просто знаю, что прощение такого растлит государство, если уже не растлило, и уже никогда здесь не будет и намёка на правильно организованное общество. Пока вопрос не будет разрешён, не будет мира под вашими оливами.

Десять лет ваш режим сражается со здравым смыслом и моим кошельком. Вы добились в этом немалых успехов!

Вам придётся расплачиваться всё равно! Но я хочу убедить вас и ваше тлетворное государство в том, что лучше сегодня расплатиться деньгами, чем завтра – кровью. Вы растлеваете нравы молодёжи и вводите в общество законы джунглей, вернее, беззаконие и произвол. Но не льстите себя надеждой, что после такого наглого и беспредельного грабежа ваше государство не будет наказано. Если произойдёт чудо, и его не накажем мы, как это должно быть, его накажет история. Отнятое у нас вами, будет похищено у ваших детей! Скажу вам по секрету, что, в сущности, оно может быть наказано даже мной, уважаете ли вы меня или нет. Привычка к послушанию, которую веками демонстрируют славянские рабы, приучила вас к преступной мысли, что так будет всегда – вы будете грабить бессильного старика, а он, как заведённый паяц, каждое... мая будет трясти железяками на груди и участвовать в ваших шутовских парадах, вместо того, чтобы бросить эти железяки вам в лицо. Но я вам хочу сказать: это личное несчастье этих униженных вами, что они вас терпят, я вас больше не хочу терпеть с вашей невменяемой подлостью. Либо вы приводите всё к человеческому и законному состоянию, реструктуризируете внутренний долг, платите нормальные проценты по нему, либо я бросаю вам в лицо свой зелёный военный билет и погоны. Я не буду служить тем, кто убил мою мать и уничтожает меня. Это исключено! Вы обязаны привести дело к человеческой норме за год, не более. Признаюсь честно, будь на вашем месте, Я бы никогда не смог совершить такой подлости по очень простой и прагматической причине – после таких действий никто и никогда вам и вашему государству не поверит ни на йоту. Я буду выгонять ваших переписчиков от своего порога! Никаких пенсионных реформ никогда не будет!

Как ваше подлое государство даже подумать об этом могло, не говоря уж о том, чтобы сделать? Слишком велик моральный ущерб, слишком велик. Он много больше украденных у нас денег. Позволить бездарным низколобым ворам строить замки за счёт сбережений нескольких святых поколений – до такого могли додуматься только абсолютные преступники. Только бездарные кретины могли не понимать этой элементарной истины, понятной всем во всём мире. Быть в долгу почётно. Вы ничего не понимаете или делаете вид, что проблемы нет уже десять лет.

Господин как бы Прокуратор! Вы себя уважаете после этого? ВЫ, хоть вы и не признаёте это, взвалили на себя груз моральной ответственности за преступления вашего невменяемого предшественника! После такого никто и никогда не поверит вашему государству и правильно сделает. И делает. Я уверен, что ваши друзья на Западе для вида жмут вам руки, а сами сочувственно и брезгливо улыбаются. Да вы и сами видите, что никаких инвестиций в Ваше, так сказать, государство нет. НЕТ И – НЕ БУДЕТ! Они не настолько глупы, чтобы не видеть элементарного: тот, кто специально обманул собственный народ, обманет любого! В конце концов он обманет самого себя! На последней переписи населения, каковую вы устроили для нас, миллионы людей, открыто выгнали от порогов ваших ходок. Вы полагаете, они просто глупые люди? А может быть, они не забыли о страшных моральных травмах, которые вы им нанесли?

То ли ещё будет.

Мне не хотелось бы учить вас, потому что я полагаю, что вы считаете себя умным и дальновидным. По-вашему мнению, это – умно: украсть нечто, и до последнего патрона сидеть на ворованном мешке, за давностью лет признав его своим? Но это, всё равно – ворованное! Оно не пойдёт в дело, и рано или поздно будет отнято у вас, как в своё время было отнято у нас Ваши объяснения, господин Прокуратор того, что у вас нет денег, смехотворны. Неда-

леко от моего дома высится новенький офис Собререгранного Банка. Это многоэтажное здание, построенное иностранными рабочими. Стоимость его баснословна. Такие же здания, помимо особняков сотрудников этого банка, есть, я уверен, во всех городах. Это построено на наши ворованные деньги. Вы дали деньги бездарным ворам, украв их у честных людей. Так что вы лжёте, что денег нет! Вы – господин Соврамши!

Все государства имеют внутренние и внешние долги, но только некоторые, над которыми тяготееет какое-то тяжёлое вековое проклятие, отказываются от них. Такова, к несчастью, и моя родина! Благополучие Америки во многом основано на верности долгам и никогда они ни от чего не отказывались. И не откажутся, в отличие от вас! И будут владеть миром! Вы же преступно отказались от всех обязательств! Открыто отказались! Я ничего не прошу у вас чужого, чужого мне не надо! Я хочу Своего! Если ваше государство действительно желает иметь во мне и во многих таких же обманутых вами, как я, защитников, срочно извинитесь и станьте на путь здравого смысла и законности. Я вас хочу огорчить. Сегодня, ...мая 20... года я даю вам ровно год на то, чтобы вы исправились и встали с пути преступления – на путь законности. Если нет, то ...мая 20... следующего года вы получите мой самый весёлый подарок. Я откажусь от всех званий, данных вашим государством мне, вышлю вам мой военный билет, и расторгну свою присягу. Я присягал Империи Лаурентии, а не вашей сомнительной Сан Репе, и если нет Лаурентии, нет и моих обязательств.

Более того. Ануреи, оказавшиеся в Риме рабами, не имея возможности бороться с ним, выдумали сверх-оружие, против которого не было, и нет защиты. Они сделали своим богом самое ничтожное для аристократического Рима существо – раба. Прошли годы – от Рима не осталось и следа. Видя в вашем государстве и не без оснований – врага, если вы не исправите преступные ошибки вашего спившегося предшественника, я сделаю так же. ...мая 20...года, в День Одоления я повешу на стену портрет Торфа Зиглера, злейшего врага Вашего государства и сделаю его своим богом. После этого Ваше государство просуществует всего лишь считанные годы. Потом оно рухнет! Подумайте, господин прокуратор ещё раз над тем, что вы сделали и каковы последствия этого, случившиеся и грядущие. Угробив нас, вы угробили и себя, и будущее своих детей! Надеюсь, ваше государство не подавилось нашим добром?

Для меня это вопрос не денег, а вопрос чистоты моральных императивов. Не надейтесь, что ваше государство пронесёт. Вернее, его пронесёт, но только в другом смысле.

Желаю вам преуспеть в лыжной ловле и рыбном катании.

Не смею уверять вас в своём уважении.

/Алекс Лихтенвальд/».

– Да! – сказал Гитболан, – Сила! И это правда, что там так поступают со сбережениями населения? Или навет?

– Куда уж, как не правда! Это не навет, это их завет! – подбоченился Нерон, гордый владением темы, – Ворюги! Там всё основано на кидании населения! Подлизы все! Глаза отводять! Ничего, мол, не вижу, ничего не знаю, ничего никому не скажу!

– Да, я и сам знаю это гисюдярствие! Пробы негде на нём проставлять! Но... какие всё-таки изумительные мерзавцы правят в этой тёмной джамахерии! – удивлённо изрёк Гитболан и стал тревожно озираться, – Это уже, видно, новое поколение: ушлое, бессовестное, на всё готовое! Они и меня с моим умом обставят. Меня часто обвиняют в крайности взглядов, но где найти такие крайние взгляды, которыми можно описать то, что происходит здесь каждый день столетиями? И меня ещё обвиняют в том, что я это никогда не любил и не уважал! Чудаки!

– Да, шеф! Шушера ещё та! Яппи – с х..! – влез в разговор взрослых Народоволец, – Эх! Сшит Ковпак да не по-ковпаковски! Надо ковпак перековпаковать, перевыковпаковать! Ну, вы же знаете, шеф, какие удивительные метаморфозы претерпевала эти территория на протяжении совсем немногих лет! Что такое пятьдесят, семьдесят лет? Чепуха! Вот сегодня они

золотому тельцу неистово служат и поклоняются, а пятьдесят лет назад подвешивали к потолку тех, у кого полагали имеющимися доллары и золотые монетки!

– Тьфу, какая гадость!

– Вот они так и живут: двадцать лет служат золотому тельцу, двадцать лет – подвешивают к потолку!

– Не платить старые долги – это безумие, кажущееся здравомыслием только отпетым кретинам и генетическим преступникам, – продолжал Гитболан дозволенные речи, – И что, он отправил такое послание главе своего государства? Не побоялся? Странно! У них, здешних царьков, что, действительно столь мало разума, чтобы понять, что долги иметь выгодно, и выгодно даже их платить, или тут заговор?

– Заговор! Точно – заговор! – отвечал Нерон. – Здесь население – как слизь! Можно на ней поскользнуться, но наступать в неё принято! Послание он отправил заказным письмом с уведомлением о вручении. Ответ на это письмо мне неизвестен, скорее всего, его не было.

– Я уверен – это досадная ошибка. Вообще для того, чтобы принять решение прекратить сношения с государством, в котором живёшь, нужно несомненное мужество и ответственность. Как часто, однако, глаза у нас раскрываются слишком поздно!

– И что же, реформа идёт?

– О чём вы говорите? Такого гнусного надувательства не было никогда! – уверенно рёк Нерон, – Недавно один человек, на заре великих дел с великими же трудностями положивший две тысячи имперских гренцыпулеров на так называемый детский счёт в банке. Счёт был с повышенными процентами, его нельзя было забирать десять лет. И что же? Прошло десять лет. Он пошёл в сберкассу, и что же вы думаете...

– Что я думаю? Я ничего не думаю! И что?

– Ему выдали сто пятнадцать инфляционных гренцыпулеров. Они получили гораздо меньше, чем вложили. Старушка-бабушка робко сказала кассирше: «Скажите, и что, никаких компенсаций не положено?» Но та её как бы не услышала и отвечать не пожелала.

– И что ей ответили? Ей что-то всё-таки ответили?

– Ничего! Я же говорю – кассирша отвернулась и сделала вид, что не слышит...

– Нерон! Вспомни, сколько раз ты обещал немцам-преторианцам по двадцать тысяч сестерциев и сколько раз ты их обманул. Это свойственно всем государствам – кидать своих верных сынов! Чем вернее сын, тем круче обман! – парировал Кропоткин.

– Зачем ты так? Это было так давно, что я уже успел забыть об ошибках своей молодости... Но я при всех своих недостатках долги считал своей священной обязанностью. Да, такого гнусного вранья и обмана, как здесь, не было никогда! Под видом реформ разбойники разграбили великую страну, прекратили в ней всякую сознательную производственную деятельность и теперь живут на доходы от продажи нефти и газа. Уровень жизни у населения крайне низок, а сама жизнь отвратительна своим ничтожным, шкурным духом. Это империя лавочников и мздоимцев! Будь моя воля, я выкинул бы лавочников и попов с их унитарным мировоззрением с их гнилых насестов и послал бы их куда подальше! Несчастливая страна, подавленная мелкобуржуазной стихией и лавочничеством! Не везёт! Я рыдаю! Где мой оренбургский платок, которым я промокаю потоки из глаз?

– Ну и люди здесь проживают! – нахмурился Гитболан. – Не иметь бы нам с ними проблем!

– Может, созреют! – прогнусил под нос Нерон.

– Хотелось бы верить! Но в некоторых странах бывают вечнозелёные люди и помидоры. Порода такая! Они годятся только для засолки!

– А-а? – прокричал Кропоткин.

– Шеф! Вернёмся в Сорренто к нашим баранам! Но это ещё не всё! – Нерон хотел завершить разговор и поэтому спешил, – Потом этот человек послал письмо тем же числом, но годом

позже. Оно было совсем краткое, в письмо были вложены два зелёных погона от летней полевой формы и аккуратно разорванный на четыре части военный билет офицера запаса за номером... э-э... и приписка: «P.S. Господин Прокуратор! Вы забыли у меня свои вещи! Мне они не нужны! Я не коллекционирую артефакты преступных сообществ! С Днём Одоления! Будьте вы прокляты!».

– Да, куда мы попали? А действительно, чего стоят обязательства перед государством-преступником? Нет тут ничего удивительного! Эпохи, следовавшие за мировыми контрреволюциями, эпохи водворения капитализма всегда были чудовищны своим гнилым, распутным духом. Такова была, кстати, Вторая Империя во Франции. Дышать там было темно и глядеть тошно! Нерон! Мне интересен этот человек. Разущи его во что бы то ни стало! Честных и прямых людей единицы на свете и их надо беречь, как зеницу ока! Что говорить, Сан Репа – страна перманентной гражданской войны. Война идёт или на полях сражений или в мозгу. Перед нами Страна бесконечного попрания интересов одних групп населения другими. Гнусной манипуляции святыми понятиями. Ханжества и лжи! Народ, предавший Отреппини и отхлынувший в ужасе от его тела, потом долгие годы кусает локти. Народ, потерявший стабильность гоммунизма, снова кусает локти, столкнувшись с дикой и глупой жизнью нового времени. Придёт время, и локти будут кусать нынешние, холёные хозяева жизни! История Сан Репы – это качели с безумным шляпником на них. Кстати, как ему ответили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.